

Нина Кузнецова

ЛЕДЯНОЙ КЛЮЧИК

Январские хроники

Нина Кузнецова

Ледяной ключик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38616340

ISBN 978-5-00095-588-8

Аннотация

Сборник остросюжетных психологических новелл, наполненных загадочными событиями и приключениями, объединенных общим настроением любви, зимней романтики, предчувствиями новогодних чудес и волшебства...

Содержание

Уважаемые читатели!	5
Январские хроники	8
Бабочка на окне	8
Фея Чистых прудов	24
Январский хроники	52
Вернуть восхищение	79
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Нина Кузнецова
Ледяной ключик
Короткие романы

ISBN 978-5-00095-588-8

© Кузнецова Н. В., 2018

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

Уважаемые читатели!

Моя третья книга, которая называется «Ледяной ключик», представляет собой новый сборник коротких романов. Под этим весьма созвучным нашему веку жанром я подразумеваю психологическую остросюжетную новеллу, затрагивающую тему личностных отношений, с вплетением неизменной мистической составляющей, которая предоставляет простор для совместного с читателем творчества, даёт возможность поразмышлять над разгадкой сюжета и ходом мыслей героев.

Сборник получился зимним, сказочным и новогодним, как по времени повествования, так и по настроению и своей волшебной атмосфере. Большинство новелл происходят именно в зимний период или под Новый год – чудесный и любимый детьми и взрослыми праздник, который я очень и очень люблю и всегда жду с нетерпением.

Зима – период не только самого холодного времени года, это время мудрости, осмысления накопленного опыта и преломления хода развития человеческой личности. Поэтому среди героев данной книги вы найдёте многих людей достаточно зрелого возраста. Отпечаток зимы не только в этом. Он присутствует и в душах некоторых людей в виде льдинок, а у кого – и целых ледников или даже айсбергов, которые можно растопить лишь теплом человеческих сердец, забо-

той, нежностью и любовью. Но задача эта непростая: к каждому человеку нужно найти свой подход, и только один индивидуальный ключик способен открыть душу, чтобы помочь ей выбраться из ледяного плена.

Финалы моих коротких романов, как всегда, оптимистичны и вселяют надежду на счастливый итог и ваших жизненных историй, особенно если вы не проходите мимо чудес, замечаете подсказки судьбы и вашего ангела-хранителя и всем сердцем любите жизнь, людей, животных, природу. Вселенная откликается на вашу искренность и любовь и дарит вам, пусть не сразу, а через некоторые испытания, уроки и жизненные экзамены, то, о чем вы мечтали...

Я убеждена, что главное в жизни – верить в доброту, в победу Света и Справедливости, но при этом важно также внимательно изучать и понимать себя, прежде всего свои собственные мысли, и уметь разбираться в собственных чувствах и желаниях. Герои моих новелл не сразу становятся счастливыми, им порой приходится становиться изобретательными экспериментаторами и проходить через немалые испытания, но они стараются жить сердцем, порой доверяясь лишь порыву души.

Как и всегда, в конце предисловия я предлагаю моим читателям разгадать тайну данного сборника: о чём он? Что объединяет эти разнообразные истории, кроме темы зимы? И, по традиции, победитель от меня лично получит приз.

Приятного вам прочтения!

С уважением, автор *Нина Кузнецова*.

Январские хроники
цикл рассказов

Бабочка на окне

Бабочка на окне

Уже второй месяц я не пользовалась тушью. Мне было

странно, что когда-то я это делала с упорством и не щадила средств на дорогую французскую косметику.

Теперь мне не перед кем хлопать длинными ресницами и строить глазки. Не для кого рядиться, не с кем выстраивать внутренние диалоги и не о ком даже мечтать. Такого в моей не слишком долгой с точки зрения космоса и вполне зрелой с точки зрения человека жизни – не было никогда. Сколько себя помню, лет с четырнадцати я находилась в перманентном состоянии влюблённости. Сначала это были недостижимые персонажи из телевизора, затем их сменили вполне реальные молодые люди: из школы, со двора...

А в институте на втором курсе случился настоящий роман, завершившийся, увы, первым в моей жизни поцелуем, который на долгое время оставался и последним. Продолжения не произошло, ибо мой молодой человек после того бесследно исчез. Но были и его последователи, которые, переняв эстафету, пытались действовать решительнее. Но я всё время мешала им, придумывая различные предлоги для отказа.

Хотелось мне, чтобы всё случилось как следует и на «отлично». Недаром в школе я училась только на одни пятёрки. Мне не нужны были случайные попутчики, душа жаждала красоты и какой-то особой романтики. Казалось, что только с самым достойным из представителей мужского пола я смогу дойти до сокровенного конца. И берегла себя для него. А он отчего-то всё не приходил...

Случайных ухажёров, не интересных мне, с каждым годом становилось всё больше. А потом наступил критический момент, когда они все куда-то испарились. Но даже тогда я находила себе объекты для вздыхания. А они не догадывались об этом. Но, как правило, чувства исчезали, стоило мне поближе познакомиться с мужчиной моих грёз...

Это потрясающее состояние воспарённости над суетой помогало мне жить, творить, находясь в состоянии счастья. Незаметно, совсем как-то невесомо и еле слышно ушла молодость, оставив после себя лишь шлейф волнительной таинственности, аромат полёта души и ощущение вечной влюблённости.

Зрелость вошла молча, протянула руку и поманила в реальную страну, где я почувствовала себя вполне уютно. Там не было того безрассудства и беспечности, но стали вдруг понятными многие вещи. Я внутренне созрела для того, чтобы отдать себя любимому человеку и создать с ним семью. Но в отличие от многих подруг, которые оказались в схожей ситуации, активных действий отчего-то не предпринимала. Не хотелось нарушать естественного хода судьбы и встречать в сакральный сценарий небес.

С годами, так и не дождавшись своего избранника, я начала впадать в лёгкую пока не зависть и не депрессию, а состояние недоумения. Отчего? Почему? За что? Они что, там, наверху, не понимают, что мне уже 40–42–45, а я всё одна и годы мои уходят?

Случались у меня какие-то небольшие даже не романы, а всего лишь истории. Иногда кто-то из мужчин мною интересовался, но опять этот кто-то оказывался для меня абсолютно чужим человеком.

С возрастом стала замечать, что уже по-другому реагирую на счастливые парочки на улице и на маленьких детей в колясках.

Несмотря на всю мою любовь к детишкам, младенцы стали меня отчего-то сильно раздражать.

Меня невозможно было заставить пойти в гости, где есть дети. Я также избегала свадеб и отворачивалась, если на улице натыкалась на влюблённых. Постепенно во мне родилось абсолютно разрушительное чувство зависти и по-прежнему осталось недоумение. За что так?

А они-то чем отличаются от меня, что у них всё замечательно?

Так зачем мне теперь красить ресницы, у меня всё равно уже ничего не будет. Эта простая мысль впервые оглушила меня в сорок шесть, когда перевалило за «ягодный возраст». Я поняла, что цветы начали осыпаться, а букет в моей жизни явно больше не появится.

Всему своё время. Видимо, я совершила что-то дурное, сделала что-то не так, что не заслужила похвалы и вознаграждения.

Теперь мне все 47, и я не тешу себя иллюзиями, что мне что-то посветит. Уже год как я потеряла способность любить и влюбляться. Последний удостоенный этой чести был мой начальник на прежней работе. Из-за него мне пришлось перейти на низкооплачиваемую должность, когда узнала, что он женат, запретила себе думать о нём, пока ещё не случилось (к счастью) взаимного процесса.

«Не было достойных мужчин вокруг или я не в том возрасте?» – с этой тяжёлой мыслью я переступала порог своей довольно большой для одного человека дачи. Она мне досталась от родителей. Когда-то здесь проживало семь человек: мои бабушка, дедушка, мама с папой и их трое детей. Старший брат давно за границей, а младшая сестра вышла замуж и обитает теперь на даче мужа. А я осталась совсем одна...

И эти пять комнат все для меня одной. Есть ещё светлая просторная терраса и маленькая, но уютная кухня.

Сюда я выбираюсь на выходные дни вплоть до самых морозов.

И сейчас, в сентябре, тут на даче не проходит мимо меня очарование осени, я погружаюсь в природу и забываю про своё одиночество.

И только здесь я по-своему счастлива вдали ото всех.

* * *

Вечером я сижу на террасе, слишком огромной для одно-

го человека, и собираюсь выпить чаю. Самовар, который мы обычно доставали со шкафа, когда вся наша большая семья была в сборе, давно никто не растапливал собранными в лесу шишками. В лес я больше не хожу – одной женщине там делать нечего.

Маленький электрический чайник выстрелил кнопкой, весело приглашая к церемонии чаепития. А может быть, просто хотел меня поддержать, чтобы я не чувствовала себя так одиноко.

Итак, на террасе мы вдвоём: я и чайник. Осенние вечера становились с каждым днём всё прохладнее, поэтому так приятно погреть руки, приложив их к пузатой и горячей поверхности электроприбора. Я размешиваю серебряной ложечкой сахар в прозрачной кружке и вспоминаю самую свою сильную любовь. Ведь я сейчас ни в кого не влюблена, а воспоминания меня немного согревают, и я постепенно оттаиваю, поглаживая матовый корпус чайника...

...Его звали Альфред. Родители так назвали малыша в честь героя оперы Верди. Внешне Алик (друзья всё равно изменили его имя на русский вариант) выглядел типичным русским, светловолосым, с курносым носом, и иностранное имя ему явно не шло. Познакомившись с Альфредом поближе, я поняла, что двойственность – это свойство его натуры. Он был такой же противоречивый во всём. И за это я его тоже обожала, как это ни странно. Алик позволял себя лю-

бить, ему нравились знаки внимания с моей стороны и смущённые взгляды зрелой женщины. Мне в ту пору было тридцать шесть. Я работала экскурсоводом, водила экскурсии по кремлёвским музеям, а мой любимый стоял на посту охраны в одном из залов Оружейной палаты.

И когда я приходила с очередной группой в этот зал, сердце моё так стучало, что мне было неловко перед туристами. Альфред всё видел и понимал, я же его постоянно баловала: подкармливала, носила в термосе горячие супчики, жарила котлетки.

Мы даже ходили как-то вместе в театр и один раз прошли по Александровскому саду. Стояла такая же дождливая, но тёплая осень, как в этом году. Альфред накрывал мои плечи своим шерстяным клетчатым шарфом – заботился, спасал от ветра. А потом мы пили чаёк с вишнёвыми пирожками в «Макдоналдсе» на Манежной площади. Я была так счастлива! Но у этой красивой истории не было продолжения.

У Альфреда было два имени, так и судьбы у него было тоже две. Здесь, в Москве, все его считали одиноким мужчиной, приехавшим в столицу из далёкого Павлодара. А потом оказалось, что там у него была семья и законная супруга, а также двое детишек. Видимо, что-то в его родном городе произошло, что вынудило его неожиданно вернуться домой. Прихожу как-то на работу, как всегда с замиранием сердца веду экскурсию в Оружейный зал, а Алика нет... «К семье

уехал, не вернётся», – бесстрастно бросил начальник охраны позже. И Альфред действительно не появился. Больше я его никогда не видела.

Но почему именно сегодня я вспоминаю об этом несостоявшемся романе? Или всё-таки состоявшемся?

Для меня в любом случае осталось внутри и по сей день нечто тёплое, искреннее, сердечное, хотя и с долей горечи и разочарования...

Стало стремительно темнеть, как всегда это бывает в сентябре после восьми часов вечера. Я решила выйти на крыльцо, полюбоваться звёздами и луной – начиналось моё самое любимое время суток за городом. Только тут, на природе, существуют столь яркие и красивые созвездия, тревожно-пленительные запахи костра и лесной свежести, и только здесь можно услышать стрекотание цикад и насладиться упоительной тишиной осенней ночи.

Я взяла стул и поставила его на крылечко, свет на террасе не потушила, чтобы было не так жутко, и включила фонарь. Сразу же десятки мотыльков устремились к источнику света и закружились вокруг яркой лампы.

Чуть позже прилетела довольно крупная бабочка неяркой расцветки: коричнево-белый орнамент на её крыльях напоминал старинные фотографии, называемые сепия. Мне всегда нравились эти приглушённые матовые ретроснимки, хранящиеся в нашем семейном альбоме.

Брюшко у бабочки было толстое и мохнатое. Ночная красавица не стала кружить вместе со всей мошкаррой вокруг лампы фонаря, она села на стекло террасы и принялась отчаянно стучать крылышками, словно бы пыталась проникнуть в ярко освещённое помещение. «Странно, – подумала я, – если это ночная бабочка, – а это была точно она (в детстве я увлекалась биологией), – то зачем ей яркий мир, ведь её среда обитания – темнота, и сама она лишена ярких красок в расцветке. По логике, она не должна любить свет, тем не менее рвётся к нему со страшной силой, ей кажется, что там теплее и гораздо счастливей...»

Бабочка металась по стеклу, не понимая, что не попадёт в тот мир света никогда. Бедняжка! Сердце у меня невольно сжалось. Мне показалось, что я на неё была похожа: меня тоже Господь не раскрасил в яркие краски, и я тоже хочу к недоступному свету и счастью!

Хотя стоп! А кто сказал, что бабочка туда никогда не попадёт? А я на что? Я решительно открыла окошко и впустила красавицу внутрь дома. Бабочка тотчас же залетела ко мне на террасу. Я закрыла окно – вечера и без того были прохладные.

С тех пор нас стало трое: я, бабочка и чайник.

* * *

На следующий день, в воскресенье, я уже не ощущала то-

тального одиночества, как накануне. И мысли повеселели, а тревога и вовсе улетучилась. Но не оттого, что в доме появилось домашнее животное, а вместе с ним и заботы, – вовсе нет. Не так давно я тут на даче выхаживала больного ёжика, поила его молочком, пока он не поправился. Ёжик жил на террасе, и всё оставалось по-прежнему. Бабочка, эта ночная красавица, сумела внушить мне надежду на возможное освобождение от моего беспросветного одиночества и однообразной жизни. Ведь я помогла ей, впустила туда, куда она так страстно рвалась, и мечта её сбылась: теперь вместо холодных ночей она греется у меня. Кто знает, возможно, дни её были уже сочтены, а я продлила её существование в мире, к которому она так стремилась! Бабочке у меня понравилось. Днём она обычно спала на потолке, а поздно вечером кружила по террасе, садилась на окно или на матерчатый оранжевый абажур лампы. Я её подкармливала чем-нибудь сладеньким: оставляла в блюдечке варенье на ночь или специально рассыпала шоколадные крошки на столе. Мне нравилось наблюдать, как бабочка всем этим угощалась, после чего усердно умывалась – чистюля! И жить стало веселее, только мой отъезд в Москву представлялся теперь проблемой. Как я оставлю бабочку одну на целую неделю?

Разлила по блюдцам разного варенья, насыпала сахарного песка, крошек, налила в блюдечко водички и сладкого чая. Всё живое не может без воды.

Уехала с тяжёлым сердцем. Но не выдержала, и в сере-

дине недели (отпустили раньше – не собралась экскурсионная группа) я села в электричку и помчалась на дачу. Волновалась, что насекомое может не дожить до среды. Но, на счастье, моя подруга была в целости и сохранности, жива и невредима. И, кажется, обрадовалась моему приезду – стала радостно носиться по террасе, наматывая круги вокруг меня.

– А я тебе гостинцев привезла! – весело сообщила я. – В Интернете прочитала, что вы любите имбирное варенье, два дня искала его и наконец-таки нашла!

Я достала из сумки заветную банку, открыла крышку, и бабочка сразу же приземлилась рядом на столе, но проявила характер – не бросилась на угощение сразу же, сделала вид, что не голодна, как будто просто изучала поверхность клеёнки...

Чтобы не спугнуть подружку, я вышла на улицу. Там в свете фонаря кружились такие же ночные бабочки, но я никого не впустила, говоря им, что место под солнцем уже занято.

Прохладная сентябрьская ночь будила разнообразные ассоциации и рождала оригинальные мысли.

«Вот бы и меня кто-нибудь услышал там, наверху, и впустил в другой мир, где начнётся моя новая счастливая жизнь!» – размечталась я. Набежавший осенний дождик загнал меня внутрь дома, где плотно поужинавшая бабочка отдыхала на потолке, легонько шевеля усиками. Я поставила чайник.

На террасе было тепло, у меня – уютно и хорошо на душе. Я поняла, что хочу продлить эти зыбкие мгновения счастья и, как ни странно, ничего не менять в своей жизни! Но это минутное, скользящее чувство, не успев родиться, вскоре улетучилось.

Дальше опять последовали мечты о запредельном.
Для меня запредельном.

* * *

В пятницу вечером, приехав на дачу позже обычного (задержали на работе), я нигде не обнаружила моей подопечной. Я даже заглянула за плиту, под стол, пытаюсь отыскать там пусть уже бездыханное тельце. Но моей подружки нигде не было. Не передать, как я расстроилась! Конечно, я понимала, что бабочки живут недолго, но я так надеялась... Я привезла сегодня ночные фиалки, которые купила специально для моей красавицы в зоомагазине. Именно пыльцой фиалок питаются на воле ночные бабочки!

Пришлось смириться с мыслью, что бабочка умерла, а для своего упокоения нашла укромное местечко. Так грустно и с такой болью чайник ещё никогда не щёлкал. И так сиротливо ещё не вились мотыльки вокруг уличного фонаря, не стрекотали с таким надрывом цикады... Фиалки я поставила в вазочку, себе налила чашку кофе.

«Это из-за меня, из-за моей глупости погибло насеко-

мое!» – ругала я себя, утирая слезу.

«Может быть, в неволе они долго не живут, – рассуждала я, – и ей нужна была родная среда обитания! Как же я раньше не догадалась! И ещё впустила в дом, потакая глупому насекомому.

Ну и что, что бабочке захотелось к теплу? Она же не знала, что её ждёт за этим призрачным жёлтым светом...» Вот так и в нашей жизни мы порой не ведаем, что скрывается за внешними блеском и красотой. И только Господь знает и оттого бережно оберегает.

Как же эта простая аксиома не приходила мне в голову раньше? Всю свою жизнь я стремлюсь к уюту семейной жизни, влюбляюсь в красивых мужчин, а шагни я в эту реальность, возможно, только бы разочаровалась. А может быть, и ещё хуже...

И зачем я всё время жалею себя? Мне радоваться надо! Я жива и здорова, войны нет, не голодаю, у меня любимая работа. Есть дача для отдыха на природе. Недаром в прошлый свой приезд мне было так хорошо и уютно здесь, что хотелось остановить мгновение! «Перестань хандрить!» – приказала себе строго.

Только... не было у меня прежней радости. Ведь из-за меня погибла бабочка!

От потока грустных мыслей меня всегда приводит в равновесие прохладный ночной воздух, я вышла на крылечко, включила фонарь и стала любоваться звёздами. Бесстраст-

ные, вечные в нашем понимании, равнодушно-молчаливые созвездия: Кассиопея, Большая Медведица, Лебедь...

Мне нравится жить здесь и сейчас. И ничего другого я не хочу. Я довольна и собой, и теперешней жизнью, я не должна падать духом. Завтра же пойду в парикмахерскую и обязательно куплю новую тушь. А ещё сделаю себе маникюр. Я же женщина, и совсем не старая!

В своих плавных размышлениях прикрыла глаза и немного задремала. Потом вздрогнула – прислушалась. Мне показалось, что со стороны террасы доносились какие-то звуки. Обернулась – за стеклом билась бабочка.

Меня стремительно внесло в дом – это была моя ночная красавица! Точно она!

Бабочки тоже прозревают и иногда меняют свою точку зрения. Теперь она просилась назад на свободу.

Я резко распахнула окно, хоть и жаль было отпускать мою подружку, но выпустила пленницу на волю. Она полетела, радостно махая неяркими своими крылышками, даже не сказав мне спасибо за приют... Но я не обиделась на неё – главное, что она была жива! «А красавица преподнесла мне хороший урок», – подумала я.

Если нам кажется, что где-то лучше, то это не значит, что на самом деле это так...

На душе стало удивительно легко. Я даже не сразу сообщила закрыть окно на свободу и долго ещё стояла, вдыхая прохладный осенний воздух.

* * *

В ту ночь я долго не могла уснуть, всё ворочалась, и уже под утро мне пришла в голову абсолютно простая идея, до которой я отчего-то раньше не додумывалась.

А что, если поискать Альфреда в интернете? Вполне вероятно, что он числится на каких-нибудь модных сайтах.

На следующий день я нашла его на одном из них. Он по сей день живёт в Павлодаре, выглядит неплохо, и что меня обрадовало – в строке о семейном положении стояло «холост».

И хотя надежда была небольшая, я отправила ему письмо...

Фея Чистых прудов

Фея
Чистых прудов

Монотонное постукивание ледоруба дворника разбавлялось весёлым щебетанием птиц, солнце искрилось сквозь блестящие сосульки, красиво их подсвечивая, грязный снег прилипал к ботинкам, наполняя запахом талой воды предвесеннюю Москву. По календарю начинался март, но по сути ещё господствовала зима, с которой уже начинала спорить робкая просыпающаяся и долгожданная весна. Я спешила домой из института, в котором училась только на первом курсе, не любила задерживаться где-то в городе, как многие мои подружки, которых поглощал после занятий центр города с его многочисленными соблазнами. С детства я была очень домашним ребенком, в садик не ходила, воспитывала нас с моим старшим братом бабушка, родителей мы потеряли рано, когда мне было четыре, а брату семь соответственно. Они погибли в авиакатастрофе, но я их хорошо помню... Особенно маму: миниатюрную очень красивую шатенку с огромными синими глазами... Бабушка заменила нам и отца и мать, к сожалению, она не дожила до моего совершеннолетия, и уже второй год мы с братом живём одни, благо уже взрослые, вполне самостоятельные люди. Костя – студент медицинского института, пошёл по стопам отца, который был талантливым хирургом. А меня всегда притягивала к себе музыка, в отличие от многих, в музыкальное училище ходила с удовольствием и даже любила играть гаммы, поэтому я без труда поступила в Гнесинку на фортепианное отделение.

Живём мы в самом центре города, у нас небольшая двухкомнатная, но очень уютная квартира на третьем этаже довоенного дома в районе Чистых прудов. Каждый день я прохожу мимо большого пруда, когда возвращаюсь из института домой, и каждый раз не перестаю любоваться живописно склонившимися деревьями, которые так лирично отражаются в тёплое время года и, разукрашенные разноцветными лампочками, светятся, подсвечивая лёд, зимой.

Обычно в руках у меня большая папка с нотами, за плечами – рюкзак с учебниками, иногда я присаживаюсь на заледенелую скамейку, аккуратно подкладывая под себя эту толстенную папку, и наблюдаю за прохожими... У нас на бульваре любит собираться самая разнообразная публика: дети играют в снежки и лепят снеговиков, молодёжь собирается группками, хозяйева чинно прогуливаются с собаками, деловые граждане спешат, редкие парочки целуются, а пенсионеры неспешно ковыляют, останавливаясь, чтобы полюбоваться на окружающий пейзаж и отдышаться. Жизнь кипит. И только один пожилой уже мужчина всегда задумчиво стоит на углу пруда и курит... Со своей лавочки я наблюдаю за ним уже давно, и он всё так же здесь, в любое время года, по вечерам, как часовой на посту, ни с кем не общается и всегда один... Я выучила все его немногочисленные одежды: рубашка в клетку, ветровка, кожаная куртка, пуховик, дублёнка... Черты лица его напоминают мне работника какого-нибудь технического ведомства, он носит очки, имеет мелкие

черты лица. Теперь я узнаю его, если встречу где-нибудь в другом месте, но он только здесь, только вечером, только с шести часов дежурит, просто гуляет или ждёт кого-то... Мне всегда хотелось, чтобы к нему подошла какая-нибудь женщина и они отправились бы вдвоём, уходя в глубину бульвара, взявшись за руки... Иногда в его руках появлялась маленькая баночка пива, летом – стаканчик мороженого... Отчего он никогда не присаживался, отчего никому не звонил, не читал газет, а только всматривался в лица прохожих, всегда на одном и том же месте, в любую погоду, в любое время года?

Чем больше времени проходило, тем сильнее мне хотелось постичь причину каждодневного стояния этого немолодого человека с тревожным взглядом.

Каждый день, когда я проходила мимо него, мне начинало казаться, что и он меня уже начинает узнавать, хотя это было скорее нереальным: таких, как я, по бульвару проходило множество, и вряд ли этот человек мог запомнить всех прохожих... Тем более что глаза его ждали кого-то одного, и, скорее всего, одну-единственную женщину... Иногда я принималась фантазировать...

Он познакомился с ней тут, на Чистых прудах... Она явилась в его жизнь, как нереальная фея, воздушная и трогательная, женственная, мягкая, весёлая, красивая.

Чересчур красивая для него. Он влюбился с первого взгляда, а ей лишь нравилось восхищение ею, они бродили

вдоль пруда и отражались в ряби его зеленоватых вод, ели мороженое, а может быть, катались на лодке, кружа вдоль берегов... И каждый раз они встречались именно в этом месте, на углу, и каждый раз она ему ничего не обещала и даже не оставляла никакой зацепки, он не знал её телефона и даже её фамилии, чтобы её можно было бы отыскать по интернету. Он знал лишь её имя, её звали... Какое-то волшебное у неё должно быть имя... А однажды она не пришла. И этот влюблённый мужчина дал себе слово разыскать её, но он ничего не знал, кроме имени и того, что она любила Чистые пруды. Вот и приходит он сюда с надеждой найти свою фею. Подругому уже и не думала и была уверена, что всё так и было и, возможно, когда-нибудь он её встретит... И она удивится, и оценит его поступок, и сможет тоже полюбить его.

Мне уже не терпелось найти подтверждения своей фантазии, а возможно, как-то помочь этому человеку. Но как? Что я смогла бы для него сделать? А может быть, я по его приметам смогла бы отыскать его фею? Ведь женщины более изобретательны в этих вопросах. Я приняла решение заговорить с незнакомцем. К тому времени он мне уже и не казался чужим, я его видела каждый день, слегка шпионила за ним и выяснила, что приходит он на место своего дежурства ровно в шесть часов вечера, а уходит в семь. Пыталась я подключить к своему расследованию Костю, но он лишь высмеял мой интерес к какому-то незнакомому типу и приказал мне оставить свои штучки по знакомству с ним. Брат

ничуть не удивился каждодневному появлению этого господина на бульваре, посчитал, что тот просто любит эти места и с удовольствием здесь гуляет. Но я сердцем чувствовала, что это всё не просто так и не будет человек в любую погоду приходить на одно и то же место без серьёзной причины.

Постепенно я уже не могла ни о чём думать, только как о том, как мне подойти и заговорить с ним. Этот человек мне всё больше нравился своей нездешней отрешённостью, серьёзной и печальной манерой держаться, скрытой огромной силой, внутренней уверенностью и мужественностью. Нужно было придумать вескую причину для начала диалога, но какую? Если спросить его, как пройти туда-то, он ответит, и всё. А дальше?

И однажды я всё-таки решилась. Ничего не придумала лучше, как начать с правды, не врать и не хитрить. А спросить просто: «Извините, но я вижу вас здесь каждый день... Очевидно, вы что-то здесь оставили или потеряли... воспоминания, чувства... и надеетесь воскресить их...» Нет, это было бы слишком! Молодая девушка лезет чуть ли не в душу к прохожему, к пожилому мужчине...

Мне помог случай. Погода сильно испортилась. Зима никак не хотела сдавать свои полномочия и злой метелью стелилась вдоль ледяной поверхности пруда, спиралью взвиваясь вверх и покрывая серой мглой ранний ещё вечер, пробирая до дрожи студёным ветром, забирающимся за воротники и рукава прохожим.

Только ожидающему прекрасную фею, похоже, было наплевать на зимние угрозы, он по-прежнему стоял почти неподвижно на своём законном уже месте. Проходя мимо него, я невольно улыбнулась, восхищаясь стойкостью этого мужчины. Глаза наши встретились, и задержались на мгновение в вечности наши такие непохожие миры, установив невидимый контакт между нашими душами. Я невольно притормозила и кивнула ему, как старому знакомому. Он встрепенулся:

– Мы разве знакомы?

– И да и нет!

– Как это понять? – я прочитала в глазах интерес.

– Имени вашего я не знаю, но вижу каждый день на этом месте, поэтому можно считать, что мы знакомы!

Мужчина отчего-то лишь задумчиво улыбнулся глазами и прикрыл веки, что означало согласие, но ничего не сказал. Повисла пауза. Я продолжала стоять, не зная, как вести себя дальше.

– Можно я буду теперь с вами здороваться? – наивно спросила я и замерла в ожидании.

– Милая девушка, а зачем вам это надо? Бегите по своим делам и не вникайте в проблемы стариков...

– Я так не могу. Если я вас часто вижу, то не могу не поздороваться.

Он пожал плечами, лицо выражало непонимание и недоумение.

– Если хотите, то буду вам говорить: «Добрый вечер!» Я невольно улыбнулась.

– Тогда мне нужно представиться. Я – Настя, а вы?

Мужчина посмотрел на меня в упор очень странно, явно ничего не понимая. Может быть, принял за легкомысленную особу?

– Вы производите впечатление скромной девушки...

– Я такая и есть, просто вы меня заинтересовали... я – любопытная! Вы кого-то ждёте... и так это не по-современному трогательно!

– Ах, вот оно что! Но я вам ничего не расскажу, даже не пытайтесь. Здраваться будем, но не больше. Договорились?

– Да...

– Ну вот и отлично. Меня Владимир Петрович зовут. А теперь ступайте по своим делам, – сказал он строго и вежливо.

Ну и чего я добилась? Ровным счётом ничего, а только теперь мне было ужасно стыдно за своё легкомысленное поведение. Конечно, чужой человек не будет открывать душу первой встречной! Тем более такой солидный и серьёзный человек, как Владимир Петрович!

Теперь мне стыдно было за своё поведение, и я старалась не попадаться на глаза Владимиру Петровичу, просто переходила на другую сторону бульвара и шла не мимо пруда, а вдоль домов. А сама всегда поворачивала голову, чтобы

увидеть знакомый силуэт... Он стоял, как обычно, на своём законном посту с сигаретой в руке. Так пролетел ещё один весенний месяц. Наступали тёплые времена, бежали ручьи, уже ничто не могло остановить воцарения самого романтического времени года. А я по-прежнему обходила странного часового Чистых прудов стороной, а если забывала, то пролетала пулей мимо него и данное мне разрешение на возможность здороваться с Владимиром Петровичем отчего-то не использовала.

Деревья на бульваре выбросили жёлтые почки, дворники взрыхлили землю и высадили черенки первоцветов, которые должны были зацвести со дня на день, в воздухе пахло просяпающей природой и вкусным тёплым ароматом весеннего пруда, по которому важно плавали прилетевшие из южных широт утки.

Однажды в самом конце апреля сделалось неожиданно пасмурно, выйдя из метро, я поняла, что сейчас пойдёт дождь, а поскольку зонтик я по зимней ещё привычке не носила, то заспешила к дому. Ещё издали обратила внимание на то, что Владимир Петрович, несмотря на начавшийся уже дождь, зонта не раскрыл, а продолжал стоять в одной кожаной куртке на своём привычном месте на углу. «Как и я, забыл зонт», – подумала я.

Когда я уже входила в подъезд, дождь заметно припустил, переходя в сильный ливень, и сверкнула молния. Неужели он и в грозу не сдвинется со своего места?

Брата дома ещё не было, это обстоятельство меня обрадовало, так как это давало мне некоторую свободу. Я взяла зонт-трость с большим куполом для прогулок вдвоём и, несмотря на усиливающийся ливень, отправилась в сторону Чистопрудного бульвара...

Как я и предполагала, чуть сутуловатая фигура Владимира Петровича одиноко виднелась на фоне стихии и безлюдного бульвара. Он стоял без зонта, весь мокрый, вода струилась по его лицу, стекая по плечам куртки. Да, что же это за принципы у него? Ведь не придёт же его фея на свидание в ливень! Мог и в кафе пересидеть, в конце концов!

Я быстро подбежала к нему, накрыла его своим большим зонтом и перешла в наступление:

– Владимир Петрович! Вы себя не жалеете! Зачем вам это геройство? Ваша фея всё равно его не оценит! Уверена, она сейчас далеко, сидит дома и пьёт чай с ватрушками!

От неожиданности моего появления и от решительного напора моих, возможно, детских обвинений Владимир Петрович не мог вымолвить вначале ни слова. Только отчего-то качал головой и улыбался. Наверное, о нём давно никто не заботился, решила я.

– Настенька, милая, не стоит беспокоиться обо мне. Я всё-таки мужчина, и, если я тут, значит, мне это необходимо, и я ещё в состоянии позаботиться о себе сам!

– Но вы ведь забыли зонтик! А мне не сложно, потому что я живу в пяти минутах отсюда. И вам лучше стоять под

зонтом, чем без него!

– Вообще-то уже без разницы – промок до нитки.

– И хотите промокнуть ещё больше. А так начнёте подсыхать понемногу. А вообще советую вам пойти подсохнуть хоть немного в кофейню на той стороне бульвара.

– Спасибо! Иди уже, тебя мама, наверное, разыскивает... Я ничего не ответила, а только смотрела, как сбегают струйки воды с крыши зонта. Вода пробиралась уже к ногам и всю хлестала по джинсам, которые уже заметно потемнели.

Мы с Владимиром Петровичем стояли рядом, держась за изогнутую полукольцом ручку зонта. Из-за залетающих со всех сторон брызг как-то само собой пришлось нам очутиться ближе друг к другу, я ощущала тёплое дыхание мужчины на своей щеке и слышала глухие удары его сердца где-то совсем рядом, но абсолютно не боялась его, почувствовала его бережное отношение к себе. Наоборот, с ним я ощутила себя защищённой, и мне не страшны были удары грома, раздающиеся поблизости.

– Настенька, тебе нужно домой... Забирай зонтик и иди, а я не пропаду.

– Нет, вас одного без зонта я не оставлю!

– Постой, а второй зонтик ты прихватила?

– Вообще-то я не подумала...

– Ну вот! А как же ты домой пойдёшь? Давай я тебя отведу до дома...

– А как же ваше дежурство? Ещё нет семи...

– Во всём должны быть свои исключения, когда дело касается милых самоотверженных барышень...

– Нет, тогда вы останетесь без зонта! Будем дожидаться окончания стихии вместе...

Владимир Петрович тихо засмеялся.

– И откуда ты такая свалилась на мою голову? На свете я встречал только одну такую женщину...

Он как-то тяжело вздохнул, о чём-то ведомом только ему одному вспомнил и, собравшись, выпрямился, отчего стал казаться значительно выше и шире в плечах и произнёс:

– Моё окончательное решение – только старшим не перечить – мы идём сейчас в твою кофейню отогреться!

– Согласна! Там хотя бы у вас будет возможность высушить голову туалетным феном.

Владимир Петрович посмотрел на меня умилённо. Дождь стал как раз понемногу стихать, грозовые раскаты слышались уже где-то в отдалении, и мы, ступая по блестящему асфальту, перешли дорогу и очутились в ароматной и тёплой кофейне.

На часах было уже без десяти минут семь, и я отчего-то ликовала, что смогла повлиять на нерушимые принципы Владимира Петровича и заставить его покинуть свой пост раньше обычного.

Пока мой спутник приводил себя в порядок в туалетной комнате, я натолкала салфеток в немного намокшие кроссовки и расчесала влажные волосы, убрав их в хвост. Затем

заказала большой чайник чёрного чая погорячее и принялась ждать.

Владимир Петрович вернулся уже с сухой и причёсанной головой и в наполовину высушенной рубашке.

– Совсем другое дело, – обрадовалась я, – не забудьте сегодня на ночь принять таблетку цитрамона, чтобы не разболеться.

Владимир Петрович снова искренне улыбнулся, радуясь моей заботе о нём. В этот момент он показался мне даже красивым, я уже ненавидела его фею за то, что не оценила по достоинству такого хорошего человека...

Он азартно отхлебнул из чашки горячего чая, глаза его заблестели, и навсегда застывшая в них печаль на мгновение улетучилась, уступив место неподдельной почти детской радости.

– Рассказывай, моя спасительница, откуда ты взялась? Чем занимаешься?

Я кратко рассказала Владимиру Петровичу нехитрую историю своей жизни, сказав, что мы с братом живём одни и что мы сироты, но оба учимся уже в институтах и живём мирно и вполне счастливо. Он участливо слушал, продолжая жадно отхлёбывать чай из чашки.

– А вас что приводит сюда, на Чистые пруды? И почему каждый божий день? – я опять принялась расспрашивать его, хоть и была уверена во вторичной отставке. Но на этот раз Владимир Петрович не стал уходить от ответа, видимо,

своим героическим поведением теперь я заслуживала большего. И после небольшой паузы он заговорил:

– Видишь ли, Настюша, бывают обязательства перед кем-то, а бывают и перед самим собой, перед собственной совестью. Это как раз мой случай.

– Но ведь эта история всё равно как-то связана с женщиной?

– А как же без них? В жизни любого, уверен, каждого мужчины должна быть какая-то особенная история, которая не забывается никогда, и каждому мужчине когда-нибудь встречается та самая женщина, ради которой он способен на самые невероятные подвиги. Ещё её иногда называют роковая женщина, я же называл свою – фея.

Я вздрогнула от своей прозорливости, но промолчала. Он продолжал свой рассказ, методично размешивая сахар и наслаждаясь ароматным чаем.

– Да, она была похожа на фею, такая же неземная, лёгкая, воздушная, голубоглазая, женственная, нежная...

– Она вам предпочла кого-то? Но вы её, несмотря на всё, продолжаете ждать? – попыталась угадать я его историю.

– Нет, она страдала из-за того, что была связана обязательствами с другим... и не могла его бросить, а меня очень сильно любила. И вечно это не могло продолжаться, поэтому, подарив мне самые счастливые дни моей жизни, она приняла решение уехать, чтобы не было у неё соблазна пересекаться со мной. Она переехала в другой район, не оставив

мне ни телефона, ни адреса. С тех пор я её больше не видел. В последнюю нашу встречу, здесь, на Чистопрудном бульваре, стоя под ещё не таким разросшимся дубом, она сказала:

– Володя, ты должен знать, что где бы я ни была, в другом ли городе, стране, на краю света, на том ли свете или на этом, разговаривая с кем-то или во сне, душа моя всегда будет здесь, на Чистых прудах, с тобой. А каждый вечер, с шести до семи часов, я буду представлять, пусть мысленно, что ничего не изменилось, и я снова твоя, и мы вместе с тобой бродим по бульвару и стоим на нашем любимом месте, под старым дубом, чьи ветви так поэтично отражаются в изумрудной поверхности воды...

В этом месте мой собеседник не выдержал, губы его задрожали, а я впервые в своей жизни увидела плачущего мужчину. По его щеке потекла слезинка...

Я протянула Владимиру Петровичу бумажную салфетку, он послушно взял и вытер свои покрасневшие глаза.

– Извини, я никогда и никому до этого не рассказывал...

– Может быть, не стоило?

– Но ты бы от меня не отстала, – он мягко улыбнулся, и эта отеческая улыбка вернула его к прежнему равновесию.

– И вы никогда не пытались узнать, что стало с вашей феей? Не пытались найти?

– Но она мне запретила делать это! И я не хотел снова вторгаться и нарушать её спокойствие. Зато все эти годы я жил этими визитами сюда... и был, не поверишь, счастлив.

Иногда прошлое настолько сильно оставляет след в нашей жизни, что его последствиями можно питаться ещё достаточно долгое время и жить результатами былого счастья... приходя сюда, я будто бы ощущал её мысленные посылы, и я точно знал, что она не лукавила, когда обещала мне каждодневные воспоминания. Это была та единственная невидимая ниточка, которая продолжала связывать нас, несмотря на время и расстояние... Я не нарушаю обета уже двадцать лет, уверен, что не нарушает и она...

Я невольно ахнула:

– Как? Целых двадцать лет! Не может быть! Разве бывает такая любовь?

– Оказывается, бывает, деточка! Я и сам не верил, не понимал, а она оказалась сильнее нас! Вот только сегодня я нарушил обет, и то только ради тебя, бедовой.

– Но ведь ваша фея не просила вас бывать здесь ежедневно. Вы могли бы точно так же выходить с ней на мысленную связь. И потом, она могла бы хоть разочек приехать за эти двадцать лет. Неужели вы хоть чуть-чуть не надеялись на это?

– Ты рассуждаешь как ребёнок... Тебе ещё не ведомы взрослые законы любви, возможно, зря я тебе обо всём рассказал. Мужчина всегда должен жертвовать собой чуть больше. А надеялся ли я на встречу? Возможно, что и надеялся, но и пугался одновременно. Ведь если бы она появилась, то это означало бы только одно, что в её жизни пошло что-то

не так... ей плохо. Я молился, чтобы у неё всё было хорошо, а жертвы с её стороны мне были не нужны...

– И всегда приходили сюда и стояли целый час в любую погоду? И даже в двадцатиградусный мороз?

– Только одевался потеплей, а в ливень всегда брал с собой плащ-дождевик. Сегодня впервые не взял, доверился прогнозу...

Я улыбнулась. Мы допили чай, Владимир Петрович достал бумажник, чтобы расплатиться за него, открыл его, и я увидела в окошечке под пластиком чёрно-белую фотографию красивой девушки.

– Это и есть ваша фея? – спросила я.

– А ты догадливая! – он достал из бумажника пожелтевшую карточку и протянул мне, я стала вглядываться в черты весёлой девушки на фото и вспомнила, что точно такую же фотографию я уже видела в нашем семейном альбоме, на ней была изображена моя мама...

Мне стало нехорошо, но я попыталась скрыть те самые разные эмоции, что проявились внезапно с этим открытием. Я сказала, что мне пора и провожать меня не надо, а дождь уже кончился, поблагодарила моего спутника за чай и опрометью выскочила из кофейни.

Не помню, как прибежала домой. Костя уже пришёл и волновался за меня.

– А я хотел уже тебе звонить, ты же так поздно никогда не возвращаешься!

– Ты не поверишь, с кем я только что разговаривала в нашей любимой кофейне!

– И с кем же?

– С Владимиром Петровичем, маминым другом!

– Как? С Владимиром Петровичем? Он тебя всё же нашёл?

– Не он меня нашёл, а я его! Это же тот самый человек с Чистых прудов, про которого я тебе говорила...

– Выходит, это он тебя поджидал!

– Да при чём тут я? Владимир Петрович таким образом общался с мамой, которую всегда боготворил мысленно!

– Наивная ты, Настюха! Мамы давно нет. А ты, его дочка, жива и здорова! Разве он тебе не сказал, что он твой отец?

– Отец? погоди, а как же папа? Он ведь был на меня похож? И бабушка так говорила, что я – его копия.

– Это тебе специально говорили, чтобы ты не сомневалась.

– А ты знал и молчал?!

– Так просила бабушка...

– Но зачем-то она открыла тайну моего рождения тебе?

– Чтобы я рассказал тебе в день твоего совершеннолетия.

Но я не смог, не мог собраться, не хотел тебя разочаровывать и решил немного повременить.

– Эх ты, Костя! Ладно, прощаю, ты представляешь, у меня есть родной отец! И я очень рада, что это именно Владимир Петрович! Я прониклась симпатией к этому человеку, еще

когда не знала, кем он мне приходится...

– Честно говоря, я пытался отыскать твоего отца в интернете, но мои поиски ни к чему не привели. Очевидно, твой отец не любитель соцсетей и нигде не светится.

– А потом, когда ему в интернете сидеть, когда он жил только этими свиданиями со своей феей... но придётся его огорчить, что мамы больше нет... Он так расстроится!

– Ничего, он ведь мужчина и должен достойно принимать удары, и потом, он обрадуется, что ты – его дочь! Завтра же ему всё и расскажем, я тоже хочу познакомиться с этим человеком, подойдём к нему вместе, и пригласим к нам в гости, и за чаем обо всём ему и расскажем, покажем фото...

– Отличная идея! Так и сделаем, – обрадовалась я. Но нашим планам не суждено было сбыться.

На следующий день ровно в шесть вечера мы были на углу Чистопрудного бульвара, но Владимир Петрович задерживался, кстати, впервые... Мы честно прождали его до семи, но он не пришёл. Не показался он ни на следующий день, ни послезавтра, ни через неделю. Только я обрела своего отца, как тут же его потеряла... Это была какая-то несусветная насмешка судьбы, ведь этот человек приходил сюда к пруду каждый вечер на протяжении двадцати лет, и именно когда он мне был так нужен, так необходим, он принял решение прекратить свои визиты... Возможно, это было как-то связано с нашим разговором и его откровением, он как бы проиграл всю свою историю, взглянул на неё со стороны и ре-

шил, что выглядит глупо, нелепо, что приходится ежедневно на несуществующие свидания больше не стоит. Или с ним случилось что? Пусть лучше будет первый вариант, пусть папа будет жив, только бы с ним ничего не случилось, – повторяла я, продолжая дежурить на том месте, где всегда стоял Владимир Петрович, вблизи раскидистого дуба... Костя считал мою затею провальной и пытался отговаривать меня от бесполезной затеи ежевечернего ожидания. Но как я могла поступить иначе? Ведь моего отца найти было нереально: его имя не значилось ни в телефонном справочнике, ни в других электронных базах Москвы. Оставался один-единственный выход – терпеливо ждать, приходите сюда каждый день и надеяться на удачу. Вдруг Владимир Петрович передумает и решит повторить свои мысленные свидания с феей Чистых прудов?

Теперь я, переняв эстафету от своего отца, превратилась в бессменного часового Чистых прудов, по которому можно было сверять часы. Заступала я на дежурство в шесть вечера, а уходила в семь. Мне повезло: начиналось самое тёплое время года, и у меня не возникало проблем с неласковыми погодными условиями. Наоборот, каждое такое дежурство превращалось в прекрасную прогулку, в самый настоящий праздник, за исключением тех дней, когда мне нездоровилось и хотелось поскорее вернуться домой, чтобы полежать с книжкой на диване. Но я ни разу не спасовала, ведь Владимир Петрович мог прийти именно в тот момент, когда бы я

смалодушничала и прогуляла своё дежурство. Правда, в отличие от своего отца, я более свободно перемещалась вдоль пруда, а не стояла на одном месте, а чаще – сидела на лавочке. Спустя месяц я догадалась брать с собой ролики и теперь накручивала вокруг пруда круги.

В один из таких июньских погожих дней подошёл ко мне незнакомый парнишка приблизительно моего возраста и спросил:

– А ты – Настя?

– Да... но откуда тебе известно моё имя?

– Я от Владимира Петровича. Он хочет тебя видеть.

– А сам он почему не приходит? Он болен?

– Да, он в больнице... Дела его неважны, поэтому он и прислал меня.

– Тогда поехали! Говори адрес! – я прямо в роликах вышла на бульвар и принялась голосовать.

– А ты кем приходишься Владимиру Петровичу? – спросила я паренька.

– Я его племянник – Ваня.

– А что с отц... с Владимиром Петровичем?

– У него двухсторонняя пневмония, началось всё с обычной простуды, когда он попал под ливень и сильно промок.

– Я даже знаю где. А что говорят врачи?

– Он вроде бы пошёл на поправку, но вчера произошло сильное обострение, всю ночь он задыхался, кашлял, повысилась температура... очень высокая... Доктор ничего не га-

рантирует...

– Он поправится! – сказала я решительно. Ваня посмотрел на меня удивлённо.

– Боюсь, что мы можем не успеть...

– И не только успеем, вот увидишь, Владимир Петрович должен поправиться!

Сразу же затормозил жигулёнок, мы запрыгнули в него и попросили водителя, немолодого мужчину, ехать насколько возможно быстро до больницы, адрес которой продиктовал Ваня. На наше счастье, это было не так далеко, и уже минут через пятнадцать я, всё так же в роликах, помчалась к больничному крыльцу. Молниеносно миновав грозный окрик охранника, я запрыгнула в лифт и уже катилась по коридору, оставив позади себя и Ваню, и возмущённые голоса по поводу моего внеурочного вторжения. Я знала номер палаты, но понятия не имела, в какой стороне она находится, поэтому поехала наугад. Интуиция меня не подвела, и я притормозила аккуратно перед дверью с номером 315. Только я прикоснулась к ручке, чтобы отворить её, как из палаты навстречу мне шагнул рослый доктор в зелёном халате и такого же цвета высокой шапочке. Лицо его было измученным и выражало вежливую скорбь.

– Что с Владимиром Петровичем? – взволнованно закричала я.

– А вы, девушка, кем ему приходитеесь?

– Дочка я! Пустите меня к нему!!!

Доктор усилил трагическое выражение лица и беспомощно развёл руками.

– Я сожалею, но Владимир Петрович только что сконч... Не дослушав, я отпихнула этого верзилу-врача и, по-прежнему на роликах, устремилась к отцу.

В довольно просторной палате Владимир Петрович неподвижно лежал один на кровати. Лицо его было бледным, но спокойным. От него тянулись многочисленные трубочки и проводки к аппаратам, стоявшим вокруг. На дисплее одного из них, издававшего характерное пронзительное пищание, я заметила ровную зелёную полоску. Нет, не может быть! Только не сейчас, когда я нашла тебя! Господи, сделай так, чтобы отец не умер! Прошу тебя!

Я встала на колени перед кроватью и прикоснулась к тёплой ещё руке отца:

– Папа, не умирай, ты должен жить!

– Девушка, бесполезно! – услышала я женский голос сзади. Это вошла, судя по всему, медсестра, полная женщина средних лет, и равнодушно принялась отстёгивать от прибора проводки. Писк прекратился.

Я продолжала стоять на коленях, вцепившись мёртвой хваткой в руку отца, мне казалось, что он всё ещё здесь и я таким образом держу его, не отпускаю...

В палату вошёл Ваня, подошёл ко мне, присел рядом на корточки, дотронулся до моего плеча.

– Пойдём, Настя, ему уже ничем не поможешь...

– Ты иди, а я побуду с ним, – сказала я сквозь душившие меня слёзы, – я так ждала этой минуты, пусть она продлится ещё. Ты меня понимаешь?

– Вы всех задерживаете, – прозвучал бесстрастный женский голос откуда-то сверху, – мы должны освободить палату для следующего пациента, а ещё и прибраться, и проветрить...

– Как вы смеете?! – вырвалось у меня. – Папа будет жить! Пошли все вон! – я не узнавала своего нового голоса и новых жутких интонаций, но мне было всё равно. Вскоре шум за спиной стих, кажется, нас наконец-то оставили одних...

– Мама, – взмолилась я, – если ты сейчас здесь и ты меня слышишь, то сделай так, чтобы я не потеряла отца, я чувствую, его душа ещё тут, и он меня слышит, пожалуйста, это сложно и почти нереально, но ведь бывают исключения... Ты же – фея! Фея Чистых прудов, я всё знаю, папа мне рассказал! Папа, возвращайся, я – твоя дочка!

В этом месте я не удержалась и заплакала, уткнувшись носом отцу в бок! Как мне всю жизнь не хватало этого родительского тепла и защищённости, не хватало любящего существа, которому можно так вот прислониться и заплакать, если тебе больно. И пусть это будет всего один раз в жизни, подумала я, но зато этого у меня не отнимет никто, и я буду вспоминать этот чудный миг обрётённого и тут же потерянного счастья...

Я рыдала, а ещё идущее от отца тепло успокаивало ме-

ня... и тут вдруг мне показалось, конечно же, только показалось, что пальцы его в моих пальцах дрогнули, возможно, это была судорога умирающего, я где-то что-то читала про это, но я решила, что отец подал мне знак, что он меня слышит. И тут снова произошло невероятное: как будто кто-то шумно выдохнул. Опять кто-то вошёл? Я было приподняла голову, чтобы разразиться очередной тирадой, как увидела, что грудь отца медленно поднялась и опустилась, движение повторилось. Снова мерещится! Обман зрения? А если нет?! Я прикоснулась к тому месту на руке, где слушают пульс... нечёткие медленные удары прорывались сквозь границу миров... Я закричала что было сил:

– Сюда, быстрее, покойник очнулся!!!

На удивление, довольно быстро в палате нарисовался тот самый доктор в зелёном колпаке. Но спешил он отнюдь не к больному, а ко мне, он решил, что мне так плохо или я сошла с ума, что мне кажутся несусветные вещи. Он налил мне стакан воды и протянул:

– Выпейте и успокойтесь, ваш отец уже не вернётся...

– Вы лучше пощупайте ему пульс!

– Ну хорошо, хорошо, сейчас пощупаем...

Доктор недоверчиво протянул свою руку к шее Владимира Петровича и вдруг встрепенулся, стал лихорадочно включать приборы, присоединять проводки, затем выглянул в коридор и позвал:

– Игнатъевна, позови Леночку, больной очнулся... Затем

обратился ко мне:

– Мы попытаемся его спасти, а вы пока покиньте палату, – и добавил: – Такое в моей практике впервые!

Чтобы спустя несколько минут... это никак не укладывается в голове!

Мы с Ваней терпеливо сидели на стульчиках в коридоре. Ваня, не скрывая восхищения, смотрел на меня:

– Но как ты это сделала? Ты – колдунья?

– Нет, что ты! Я просто знала, какую фею позвать на помощь...

Из палаты вновь вышел рослый доктор. На этот раз выражение его лица было довольно бодрым, но по-прежнему уставшим.

– Мы сделали всё возможное, давление нормализовалось, пульс в норме. Больной не пришёл ещё в сознание, но динамика положительная, думаю, к завтрашнему он очнётся...

– Ура! – прокричали в один голос мы с Ваней. – А к нему нельзя?

– Вы, девушка, можете войти, только никаких резких слов и движений, только взгляните на него, и всё.

Я, осторожно переступая роликами, вошла в палату. На высоких подушках лежал отец. Он ровно дышал. Кривая на экране прыгала зигзагами. Я улыбнулась и тихо сказала:

– До завтра, папа, теперь мы уже не расстанемся никогда...

С тех прошло немало лет. Отец поправился и переехал к нам на Чистые пруды. Мы не изменяем нашей славной традиции и каждый день вечером с шести часов прогуливаемся вдоль пруда, о чём-нибудь неторопливо разговаривая. Папа мне любит рассказывать про маму, о том, какая она была замечательная и как он сильно её любил... Я рассказываю о себе, практически ничего не скрывая, делюсь планами на жизнь и своими проблемами.

А с некоторых пор к нам присоединился и Ваня, который оказался никаким не племянником отца, а очень дальним бедным родственником, сиротой, которого папа опекал с самого детства. У нас с Ваней возникли сильные чувства, и мы не сразу, правда, но пришли к решению пожениться. История нашей с Ваней любви заслуживает отдельного повествования, поэтому я расскажу о ней когда-нибудь позже.

Январский хроники

Январские хроники

За окном задумчиво, осторожно и размеренно валил снег, будто специально оставляя время на размышления о вечных материях. Логично именно в такой день задуматься о историческом процессе смены эпох, о стыке этих циклических периодов в точке полуночи с 31 декабря на 1 января, когда у нас в стране мелодично бьют самые главные часы – куранты Московского Кремля.

Отчего снегу всё равно и плавное движение снежинок даже на секунду не остановилось в своем движении в полночь, не вздрогнуло, никак не переключилось на иной виток времени? Да и бездушная на вид луна всё так же, не моргая, продолжала висеть на тёмно-синем небосводе в обрамлении ярких звёздных кристалликов...

Раньше Яне не приходили в голову подобные мысли, потому как она в унисон со всей страной была прикована к весёлому действу на телеэкране – и только в этот декабрьский вечер подошла к окошку, поскольку телевизор в доме сломался как раз накануне Нового года...

Как божественно красива новогодняя ночь! Из окна Яниной квартиры виднелся кусочек панорамы праздничной Москвы, подсвеченной тысячей лампочек, фонариков, всевозможных огоньков – они переливались, двигались, веселились со всей страной в предвкушении главного праздника планеты. Можно было рассмотреть несколько новогодних ёлочек, причудливых ледяных дворцов и искрящихся элек-

тронных фонтанов. Москвичи затаились в своих домах за праздничными столами, город опустел, даже автомашины в этот час не шуршали шинами по оживлённому шоссе, которое виднелось из окна. До Нового года оставалось совсем чуть-чуть. У Яны перехватило дух – такую красоту вместе с нею созерцают в эту минуту кроме звёздных светил разве что бездомные кошки, прогуливающиеся по крыше... Но они не понимают смысла всей этой вдруг внезапно стихшей суеты и не ощущают всей важности исторического момента смены времён.

У девушки пересохло в горле – неужели её сломавшийся телевизор преподнес ей главный новогодний подарок? И она одна-единственная в этом огромном городе смогла окунуться в неповторимую атмосферу ожидания чуда? Ведь не секрет, что каждый надеется, что за звенящими и волнительными минутами, когда мужчины держат в руках готовую стрельнуть бутылку шампанского, а женщины загадывают заветное желание, наступит не запятнанное проблемами новое счастливое время... Эта многомиллионная энергия полилась из всех окошек и словно бы взвивалась ввысь из антенн, приделанных к крышам. На мгновение Яне показалось, что она видит и направление движения этой голубой энергии надежды – она отрывалась от крыш и спутниковых тарелок и летела, окутанная морозным хороводом снежинок, ввысь, в божественные миры Вселенной...

А почему надежда голубого цвета? – подумала Яна, но

услышала в это мгновение, как на кухне невыключенное радио забило раскатистыми и мелодичными кремлёвскими ударами – наступал Новый год. И хотя на столе не было шампанского и встречала девушка этот праздник одна – налила в бокал апельсинового сока и осушила его после двенадцатого удара.

Оказалось, что без телевизора, речи президента и весёлых зажигательных мелодий Новый год всё равно наступил. Было непривычно и торжественно одновременно – ведь Яна сегодня прикоснулась к неведомой ранее тайне...

Настало время рассказать вам, дорогие читатели, о моей героине.

Русоволосая москвичка с приятными чертами миловидного лица тридцати двух лет от роду была не замужем, хотя и находилась в отношениях с человеком почти женатым. Её возлюбленный имел гражданскую жену и не собирался разьезжаться с нею, а Яну кормил надеждами, что в один прекрасный день он поведёт именно её под венец. Однокомнатная квартира, доставшаяся по наследству от бабушки, позволяла принимать у себя любовника, облегчая мужчине задачу, не обременяя проблемой гостиниц.

Что же она нашла в своём избраннике? Холостой по паспорту, бездетный москвич, небедный сотрудник одного из министерств, привлекательной для женщин наружности и традиционной ориентации, без проблем в интимной области, вполне щедрый нежный мужчина на дороге не валял-

ся. Яна познакомилась с ним во время поездки по городам Италии. Его основная сожительница Марина в последнюю минуту слегла с гриппом и запретила Филиппу навещать её, буквально силой выпихнув в Италию. Так он познакомился со своей второй женщиной – Яной. История, каких множество было и будет, несомненно, пока существуют на земле податливые эгоистичные мужчины и одинокие, романтические, умеющие прощать женщины.

Вначале воцарилось в душах новоиспечённых любовников довольно счастливое время – познания неведомых миров друг друга и трепетного оберегания вручённой им тайны. Затем последовали обиды от желания большего, всплески недоверия, мучительной ревности и осознания своего нелепого и унижительного положения.

Как результат – второй год встречает девушка одна. Ждёт сообщения по договоренности в половине первого ночи от любимого...

А пока не наступили заветные минуты, достаёт из шкафа тетрадку в красивом картонном переплёте из поколения новых дорогостоящих тетрадок – подарок любимого. Начала писать ровно год назад – 1 января в новогоднюю ночь. Интересно перечитать записи – с тех пор девушка не открывала их. Забирается с ногами в кресло и скользит глазами по стремительному угловатому почерку.

«Филипп... Он подарил мне эту красивую тетрадь позавчера вместе с другими подарочками: шоколадкой, плюше-

вым зайчиком – символом года и набором сиреневых свечек. Какие милые презенты! И с любовью куплены заранее, чтобы я смогла ими любоваться всю ночь и все каникулы! Ведь следующая наша встреча состоится только после 10 января. Мой любимый уезжает с друзьями в Австрию кататься на горных лыжах. И будет присылать мне красивые фотки по интернету. А я буду с нетерпением их ждать. Сама же похожу по нарядной столице, позволю себе посетить любимое кафе на Арбате и выпить там с подругами кофею, затем приберусь в квартире, поменяю шторы, возможно, съезжу в магазин и куплю себе чего-нибудь к приезду Фили. Как я его люблю! И как же мне повезло! Такой мужчина, и любит только меня! Скорее бы он решал свои вопросы и разобрался бы наконец со своей бывшей. Тогда бы мы смогли быть с ним вместе. Навсегда.

Снег в этом году удивительно белый и чистый, скрипучий, как в детстве, – он навеивает лёгкую грусть и будит воспоминания...

Отчего-то раньше не задумывалась – почему в детском возрасте Новый год всегда радостный? И это ощущение праздника не спутать ни с чем другим... Сердце готово вырваться из груди, всё замирает от охватившего внезапно всеобщего счастья... Хотя особых надежд в детстве на Новый год не возлагаешь, так как и прошлый-то был неплох и, кроме низких оценок в школе, ничего пасмурного не случилось... Это потом, в зрелые годы начинаешь ценить и каж-

дый прожитый день, и каждую счастливую минуту, начинаешь ругать себя за прошлые ошибки и желать начать год именно с чистого листа. В детстве об этом не задумываешься вообще! Каждый год похож своей радостной безмятежностью на другой, а о скоротечности бытия ребёнок не помышляет и вовсе. Однако... эту радость новизны, наступающую с ударами курантов, мы остро ощущаем только в детстве! Возможно, дети более восприимчивы к общему настроению и впитывают радостную энергетику, пропуская через свой неокрепший ещё организм, – эта энергия сумасшедшего счастья и вырывается наружу, и кружит голову и пьянит ребёнка, который ещё никогда по-настоящему не был пьян... Но я сегодня тоже по-особому счастлива – ведь в этом году я познакомилась с Филиппом и невероятно влюблена и безумно рада Новому году. Почти как в детстве!»

Яна улыбнулась прочитанному. Ровно год тому назад она не понимала многих вещей и показалась себе самой наивной. Ах, знать бы ей тогда, что Филипп и не думает жениться на ней, а Марина каким-то образом продолжает удерживать его. Будильник на мобильном пропищал половину первого ночи. Почти одновременно с ним пришла эсэмэска от Филиппа: «Любимая! С Новым годом! Желаю, чтобы ты не разлюбила меня никогда!!!» Да как он мог только усомниться в её любви! Конечно, она будет любить его всегда, несмотря на наличие Марины...

Окрылённая, пишет девушка ответ любимому. И не такой сухой и эгоистичный, а искренний, щедрый и ласковый, как умеют писать только женщины. Затем снова открывает тетрадку и приступает к записям, которые она делает только в новогодние дни, когда есть много времени и ничто не мешает плавному течению мыслей.

«Год прошёл, но ничего не изменилось. Филипп по-прежнему мне не принадлежит. Что-то его держит возле этой Марины. Я видела её фотографию – ничего особенного – женщина средних лет, не красавица, отнюдь не яркая личность, не ослепляет. Раньше я полагала, что мужчины влюбляются только в тех, кто способен сражать наповал. На деле оказалось, что самые обыкновенные женщины тоже могут привлекать внимание и, что самое главное, удерживать подле себя красивых и душевных мужчин. Он никогда не говорит о Марине плохо и в то же время намекает, что с ней у него всё в прошлом. Филипп не унижается до того, чтобы осуждать тех женщин, с кем он был близок, и это его качество мне импонирует. Значит, он и меня не станет осуждать или называть обидными словами.

Сегодня уже первое января – самый необычный день в году. Пора безвременья и прострации, межгодичного вакуума и передышки. Начало года никому не принадлежит – только вам самим и Его Величеству Новому году. Мир между двух миров – прошлого и нового – застывшее временное пространство, загадочное и непонятное...

Даже мебель в квартире первого января воспринимается по-другому, будто бы не у себя дома, все текущие дела откладываются, замирает жизнь, зависает над праздничной планетой... А мы расслабленно полёживаем на диване и смотрим новогодние передачи, доедаем угощения с праздничного стола, шуршим фантиками от конфет и, вдыхая аромат мандариновой кожуры, с упоением существуем в этом необычном временном измерении... Оно сравнимо лишь с пограничной, ничейной зоной. Это всегда так трогательно, когда проезжаешь границу страны или области, – оказаться на территории, которая никому не принадлежит, не подчиняется никакому правителю. Вспомнился магазинчик, находящийся в межпограничном пространстве между Тульской и Московской областями. Мы с Филиппом заезжали в него по пути в Ясную Поляну. Хозяйка с упоением рассказывала, что они не подчиняются ни тульскому, ни московскому муниципалитету, посему не платят налоги, так как нигде не числятся... Ничейная территория. Возможно, это была шутка, но нам понравилось. Так и первое января не принадлежит ни старому году, который завершился, ни новому, который ещё не вступил в свои законные права. Знаменитая песня «Есть только миг...», скорее всего, посвящена этому фантастическому дню.

Сегодня первое января. Мгновения безвременья и равновесия космических эр. Как-то высокопарно получилось, хотя пусть будет, раз вырвалось, значит, смысл всё же в этом есть.

Авось читатель (если таковой отыщется, кроме меня самой) додумает за меня, что бы это значило...»

На этом месте Яна захлопнула тетрадку, глаза стали отчего-то слипаться, и она отправилась в спальню. Раздеваясь, заметила девушка, что от плюшевого мишки, её любимой игрушки, что подарил ей отец ещё в детстве, шло еле заметное голубое свечение...

Сегодня она уже видела похожее, уходящее с крыш домов в ночное небо. Сон моментально прошёл, Яна снова подошла к окошку.

Город не спал – всё по-прежнему сверкало, переливалось, искрилось. А голубой светящийся дымок отчего-то сделался не таким чётким, словно бы его постирали резинкой, – он кое-где ещё поднимался, словно из труб дым в морозный день, но подобных антенн было значительно меньше. Это хорошие надежды и мысли, – сообразила девушка, – их стало меньше, все веселятся и уже не задумываются о вечном и добром. А её любимый Топтыгин был подарен папой от всего сердца с добрыми мыслями, оттого он и светится! Эту догадку нужно было проверить. Яна открыла шкаф: вот подарок мамы, ажурное платье ручной работы – тоже искрилось голубым. А вот бабушкин подарок – старинные перчатки по локоть – отсвечивали ярко-голубым... А где же подарки Филиппа? Девушка срочно открывает ящик стола и извлекает самый главный его презент к её прошлому дню рождения – кулон в форме сердечка из мельхиора. Свечения не

наблюдалось, достаёт набор лиловых свечек – та же картина. И зайчик, подаренный Филипом к прошлому Новому году, увы, не искрился. Последняя надежда и последний подарок любимого – магнитик из Австрии на дверце холодильника с её инициалами – излучал свет! Она взяла сувенир в руки – свечение было тёплым и ароматным – комната наполнилась запахом дивного нектара. Филипп так радовался тогда этому подарку, что отыскал магнит именно с её инициалами, значит, и покупал он его с душой – поэтому подарок излучал тепло и свет...

Сон как рукой сняло, девушка решила зажечь те самые лиловые свечи – будет и о Филиппе напоминание, и подарок откроет наконец.

В красивой упаковке находились четыре винтом закрученные свечки, она извлекает одну, вставляет в подсвечник, но тут к её ногам падает маленькая новогодняя открыточка. Она лежала, судя по всему, под свечками и замечена ею раньше не была. Открыла её и с замиранием сердца прочитала небольшой текст послания: «Любимому Филе в Новый год. Марина». Открытка выпадает из рук девушки...

В ту новогоднюю ночь Яне открылись удивительные вещи – ей удалось осмыслить и понять главное про отношение Филиппа к ней и ещё очень и очень многое...

С тех пор сделанное в новогоднюю ночь открытие осталось при девушке, и она без труда различала теперь светлые посылы, исходившие от подарков и других вещей, а также искренние и правдивые либо ложные и тёмные слова и мысли людей. В последующие дни Яна подходила к окошку, смотрела на городской пейзаж и видела не только голубой, но и чёрный дымок, уходящий в небо. Это были дурные либо злые, завистливые мысли и желания. В новогоднюю ночь они все на некоторое время исчезали, затем появлялись снова. Яне стало трудно жить, ведь все людские посылы были перед ней как на ладони, а объяснить окружающим то, что она видела, было невозможно – её бы просто высмеяли или же посчитали фантазёркой.

Ей казалось, что подобное свечение видят все, это же было так просто! Но никто ничего не замечал, кроме русоволосой москвички, у которой однажды сломался в новогоднюю ночь телевизор...

Она понимала теперь, что Филипп не относится к ней искренне, так, как относились родители, но по-своему её любит. Во всяком случае, тёмного дыма вокруг его головы не образовывалось, как это бывало, когда ругался её начальник либо злились сотрудницы, когда она приходила в новом наряде. Яна работала в бюро переводчиков, и коллектив был в

основном женский.

Оказалось, что её самая лучшая подруга не разделяет её радости, а выпускает этот чёрный, к тому же едкий по запаху пар или дым, когда Яна рассказывает коллеге о себе что-нибудь хорошее. Филипп редко радовался за неё искренне – голубой дымок взвивался из головы любимого нечасто, чаще всего не было никакого дыма. Это состояние называлось равнодушие.

Но разве можно в такое поверить любящему сердцу? Вот и Яна верила только в хорошее и, несмотря на явные козыри, разоблачающие сущность Филиппа, всё ещё надеялась на чудо.

Не валит из любимого мужчины едкий дым – уже хорошо, значит, не всё потеряно! Филя за годы привязался к искренней и весёлой девушке и уже не представлял без неё существования, как не мог представить себя без своей гражданской жены Марины. С последней его связывал и бизнес, общие друзья, крепкая взаимовыручка и поддержка по жизни – отец Марины был весьма влиятельным человеком.

«Сегодня снова первое января, невесомое время долгожданного отдыха и торжества лучистой энергии, на которую не скупятся люди в эту волшебную ночь. Эмоции только положительные: надежды на лучшее, получение ещё одной попытки начать всё сначала и радость дарения и получения подарков. Это кому как. Мне лично нравится больше дарить, и если бы Филя мог бы видеть тот искрящийся свет, что льётся

из моих подарков!.. Но он не видит... Он слеп, и не только в этом. Расскажу тебе, моя новогодняя тетрабочка, то, что произошло со мной в канун этого Нового года.

В этот раз у меня большая радость, впервые за те три года, что мы с Филей вместе, он пришёл ко мне 31 декабря! Забежал на пару часов после работы, а в девять заспешил домой, к своей Марине. Но я и этому была рада! Это же надо – быть вместе с любимым в самый главный праздник – накануне Нового года.

Я накрыла шикарный стол, по сему случаю даже утку с яблоками запекла, как это умела делать только бабушка (нашла её блокнотик с рецептами). Под ёлочкой спрятала подарки: новую рубашку, теплые наноперчаточки, в которых можно работать на компьютере, флэшку в виде дракончика – символа года...

Когда Филипп переступил порог моего дома, в квартире пахло пирогами, звучала его любимая музыка, а я выбежала ему навстречу в красном платье, которое ему всегда нравилось. Он поднял меня на руки, ещё не снимая пальто, закрутил, завертел – мы стали целоваться, это было чудесно! Потом, когда Филя стал раздеваться, я увидела, как из кармана его пальто вверх сочится искрящийся голубой дымок...

С замиранием сердца ждала того момента, когда он мне вручит свой самый искренний подарок от чистого сердца... Мы ужинали при свечах, тихо играла музыка, Филя нахваливал мою стряпню, как вдруг всполошился, театрально шлёп-

нув себя по голове:

– Вот растяпа, я же тебе подарки приготовил – чуть не забыл! – Резко подскочил и побежал в прихожую...

Я сидела, откинувшись на диванные подушки, с бокалом шампанского в руке и ждала торжественной минуты... А вдруг это кольцо? Обручальное? – пронеслось за долю секунды.

Филипп внёс в комнату свой толстенный портфель, открыл его, извлёк сначала коробку конфет, затем смешного до умопомрачения плюшевого дракончика, которого я сразу же прижала к сердцу и нарекла таким же потешным именем – Фуфик. Но от этих его подарков не веяло теплом, и мерцающий свет они не излучали...

Но я знала, что главный подарок он припрятал в кармане своего пальто. Но Филя отчего-то сидел не шелохнувшись, радуясь тому обстоятельству, что с подарками угодил. Наверное, хочет сделать сюрприз в конце вечера...

Мы танцевали, я замирала в объятиях любимого и вдруг поймала себя на мысли, что это последний наш танец... Отчего мне так показалось? Я вздрогнула, молния прошла сквозь тело, испугалась собственным мыслям, но Филька погасил этот мрачный поток, закрыв жарким поцелуем. Он отнёс меня на руках в спальню, мы потушили свет и закружились в ещё более страстном танце любви...

Но через полчаса Филипп стал спешно собираться, объясняя это тем, что ему надо ещё заскочить поздравить маму...

Я препятствовать не стала и даже собрала для его матери небольшую продуктовую передачу с угощениями со стола. Филья противиться не стал, всё с радостью запихнул в свой необъятный портфель.

Наступала самая ответственная минута. Вот он берёт с вешалки пальто, надевает его, застёгивает... А где же главный подарок?

Свет продолжал сочиться... И тут я впервые осмелела.

– Филь, а ты Марине подарок не забыл приобрести? Он улыбнулся моей неожиданной заботе.

– Пришлось, забежал в магазин и первое, что попало на глаза, схватил, – словно бы оправдывался он. – Но только один подарок, не как тебе...

– А что это, если не секрет? – спросила я, умоляя его показать презент.

Филипп замялся вначале, затем рука его застывает на уровне кармана и извлекает оттуда серебристую коробочку, перевязанную красным бантиком. От подарка льётся голубой свет...

– Это духи – Марина женщина меркантильная, дама из другого, богатого мира, не такая, как ты, и радоваться плюшевой игрушке не станет – у неё отсутствует эта непосредственная детская фантазийность, за которую я тебя так люблю. И другого подарка она не оценит, поэтому пришлось слегка потратиться... Зато вроде бы её любимые взял, если не угадал – скандал на всю новогоднюю ночь. – Фил кисло и

виновато улыбнулся, продолжая поправлять перед зеркалом шарфик, который я ему подарила ко дню рождения...

– Я всё поняла, иди – тебя ждут, – сказала я сухо, но Филипп в спешке не заметил моей новой интонации.

– Я побежал, котёночек, как всегда, в половине первого жди сигнала! – Он чмокнул меня на прощание в нос и засеменил вниз по лестнице.

Надо же! Даже лифта не стал дожидаться, видимо, действительно спешил...»

Яна отложила тетрадку, ей стало немного теплее после сделанных записей. Разделённое горе всегда переносится легче, подумала она. В соседней комнате перед накрытым столом распинаясь телевизор, там выступали мультипликационные политики и звёзды эстрады, веселя народ. Яне было не смешно, она и к столу-то не притронулась, как проводила Филиппа. Только смогла дойти до кровати и бухнуться лицом в подушку – так и проплакала она весь Новый год, не видела президента, не слышала она боя курантов... Потом её «разбудила» эсэмэска от любимого мужчины, которая пришла без опоздания, ровно в половине первого. Но она её даже не прочитала – сразу же стёрла. Зато мобильный немного привёл девушку в чувство, она сходила в ванную, умылась и, вспомнив про свои «Январские хроники», села записывать произошедшее с ней в этот Новый год.

Затем вдруг вспомнила, с чего начинался этот её удивительный дар, так расстроивший её теперь, – это произошло в

тот год, когда сломался телевизор и она подошла в новогоднюю ночь к окошку...

Ей не терпелось повторить свои ощущения. Тогда это было так чудесно: новогодняя столица вся в мерцающем свечении добрых людских помыслов...

Яна подошла к окну. И снова перед ней красавица Москва искрится в серебристо-голубоватом свечении, оно струится из окон и из антенн и растворяется в глубинах Вселенной, наполняя цвет ночного неба праздничным блеском. Чёрного дыма совсем не заметно, но если прищуриться, то кое-где различила девушка тёмно-серый одиночный еле заметный дымок. Наверное, это ругалась чья-то жена на своего мужа, который забыл приобрести ёлку или вовремя не купил мандаринов... А разве в новогоднюю ночь могут существовать иные проблемы? Хотя одним из этих тёмных мог быть вполне дымок из квартиры Филиппа. Марина могла заподозрить мужа в измене и ругала его за то, что он так сильно задержался... Яна зажмурилась. «Отчего я раньше никогда не думала об этом? Что кому-то могу испортить не только новогоднее настроение, но и жизнь? Всё, с этим довольно!» Она больше не сможет встречаться с Филиппом. Это было не сиюминутным, а выстраданным, реальным и твёрдым решением девушки. Но как отважиться на подобное, когда в груди ещё пылает любящее сердце, а на губах не высохли ещё следы от горячих поцелуев любимого? Как сумеет совладать с собой, со своим чувством и не поддаться ему снова? Есть

только один способ – бежать, убежать от любви, от того места, где ещё пару часов назад было так головокружительно и так сладко...

Яна срывает с вешалки пуховичок, нахлобучивает шапочку и выбегает на мороз, окунаясь с головой в новогодний город, навстречу какой-то своей новой неведомой судьбе...

На улице в столь поздний час было многолюдно: всюду народ, компании, молодёжь – все пели, веселились, водили хороводы вокруг ёлок и запускали петарды. Яне в момент полегчало, она впервые за ночь невольно улыбнулась. Уже во дворе ей помахала дворовая компания, приглашая к себе, – ребята сидели под детским грибочком и распивали шампанское из пластмассовых стаканчиков. Она помахала им тоже, но прошла мимо. Девушка заметила, что от всех встретившихся ей людей исходило чистое голубое свечение, то есть люди в этот праздник веселились абсолютно искренне, по-детски, и так же от всего сердца желали добра и счастья случайным прохожим. Но вдруг впереди как вспышка молнии – такой мощный свет полился откуда-то, что девушка невольно побежала туда, ведомая этим удивительно ярким свечением.

Приблизившись, она поняла, откуда шёл источник света... Это была парочка влюблённых: на девушке был парик Снегурочки, а у молодого человека приклеенная борода Деда Мороза. Самоделные костюмы умиляли, а молодые люди, держась за руки, доставали из мешка подарки и дарили

их совершенно незнакомым людям... Они и Яне улыбнулись, поздравили с Новым годом и протянули девушке небольшую коробочку, перевязанную синей ленточкой...

– Ой, спасибо, а что там?

– Дома узнаешь, красавица! – деланно пробасил молодой человек, изображая Деда Мороза.

Но Яна не стала дожидаться, а вскрыла подарок тут же, когда парочка ушла поздравлять какую-то бабулю.

Открыла и глаза своим не поверила: это была стеклянная ёлочная игрушка, но в форме сердечка! Неужели ей ещё повезет в любви? – подумала она, сочтя этот подарок Деда Мороза хорошим знаком.

Ей захотелось отблагодарить этих добрых людей, а заодно и познакомиться с ними поближе.

– Ребята, постойте, – неслась к ним девушка, прыгая через сугробы. – Спасибо вам за доброту!

– Разве для Деда Мороза добро не в порядке вещей? – ответил парень, подмигивая своей спутнице.

– Всё равно спасибо! Я вас приглашаю на чай, ведь вы, верно, замёрзли?

– А что – мысль! – ответила Снегурочка. – Нам тут немного осталось раздарить, и мы придём! Диктуйте адрес... Яна написала на бумажке из блокнотика номер дома и квартиры и убежала заваривать чай, а сама волновалась: а вдруг ребята не придут, передумают и согласие Снегурочки было лишь сиюминутным порывом? Сервировав стол под чаепи-

тие, прилипла к окошку, вонзаясь взглядом в дорожку, ведущую к её подъезду. Когда-то точно так же она часами ждала появления на ней Фили...

Прошёл час, а сказочные персонажи не появлялись. Девушка совсем уже отчаялась и готова была покинуть свой пост, как на дорожке возникло яркое хрустальное свечение...

Когда она открыла замок, на удивление никаких Деда Мороза и Снегурочки она не обнаружила, перед дверью стояли обыкновенные ребята её возраста... Она даже не сразу их узнала. Парик и борода были сняты, и опознать парочку можно было только по пустому уже огромному синему мешку, перевешенному через плечо молодого человека...

– Походите, будем знакомиться, меня зовут Яна.

– Михаил и Алёнка, – ответил за двоих бывший дедушка уже не басом, а красивым певучим баритоном.

– А у меня всё уже готово, – расплылась хозяйка, помогая раздеться симпатичной розовощёкой девушке со светлой короткой стрижкой.

Её спутник был плечист, темноволос и застенчив. Он стоял в нерешительности, не зная, куда дальше двигаться...

– Проходите, вот мое скромное жилище, проживаю я в нём одна.

– А где же ваш рыцарь? Неужели у такой... девушки никого нет? – поинтересовался вдруг Михаил.

Яна опустила глаза.

– Нет пока никого...

– Мишка, ну нельзя же так сразу – это неприлично, – одёрнула его Алёнка.

Яна ничего не поняла. Но уже разливала аппетитный чай с травами.

– Как только вам это в голову пришло – подарки дарить? – спрашивала хозяйка, заполняя чашки.

– А что тут такого? Это наша традиция, мы каждый Новый год ходим, уже лет семь или восемь. А вот вы нам ни разу не попадались, хотя и живём мы недалеко – в соседнем доме.

– Дело в том, что я никогда раньше из дома не выходила в новогоднюю ночь. А теперь жалею – это так здорово: все веселятся, поздравляют друг друга! А можно мне на следующий год к вам присоединиться? Я тоже накуплю подарочков разных и буду их дарить...

– А кого вы будете изображать? – строго спросил Михаил.

– Я? – растерялась Яна. Но ей на помощь пришла Алёнка:

– А давайте перейдём на «ты»?

– С удовольствием, – откликнулись Яна и Миша.

– Ты будешь Снегурочкой!

– А как же ты? Нет, так дело не пойдёт...

– Ещё как пойдёт! Дело в том, что меня на следующий Новый год в Москве не будет... Я уезжаю с мужем далеко, за границу.

Яна вздохнула. Значит, не будет и Деда Мороза...

– Сестрёнка уедет с мужем, а место Снегурочки остаётся

вакантным. Так что соглашайся!

– Так вы – брат и сестра?

– Да-а-а... А мы не рассказали разве?

Яна обрадовалась сему обстоятельству и поймала себя на мысли, что ни разу не вспомнила про Филиппа с тех пор, как ребята пересекли порог её квартиры.

Михаил заворожённо смотрел на хозяйку квартиры и не мог на неё налюбоваться.

– А давайте танцы устроим! – предложил он. – У тебя есть что-нибудь медленное, лирическое? Дело в том, что я хочу пригласить на танец будущую Снегурочку и мою соседку! В честь знакомства!

– Я с радостью, итальянская «Либерта» подойдёт? Яна и Михаил слились в своём первом танце, он был ещё робок и неумел, ибо оба страшно стеснялись, держались на приличном расстоянии, еле касаясь друг друга... Яна старалась не смотреть на своего партнёра и отводила глаза, сначала на сервированный стол, затем на окошко. Её подждал сюрприз – из окна на неё смотрел обычный новогодний городской пейзаж без привычного уже девушке свечения... Не могло случиться так, чтобы вся Москва перестала думать и мечтать о хорошем, – очевидно, ей этот замечательный дар был больше не нужен?

Слабая догадка родилась в голове Яны...

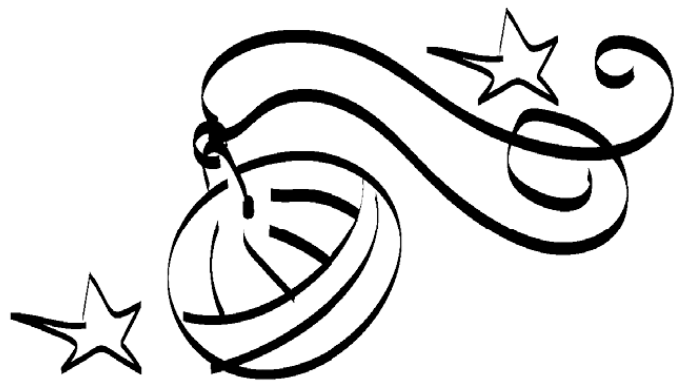
Михаил в эту минуту думал о том, что наконец-то встретил ту девушку, что искал всю жизнь, такую же, как и его

сестрёнка, непосредственную, отзывчивую и добрую. Последнее он сразу заметил, ибо этот божий дар не перепутаешь ни с каким другим, даже если у человека и нет необычной способности видеть свет любви. Миша почувствовал, что сегодня прозвучали фанфары его судьбы, и он даже услышал их мелодичный звон, правда, в последний раз. Дело в том, что с некоторых пор молодой человек стал различать мелодичные звуки, исходящие от любящих и добрых сердец. И никому не рассказывал об этом, даже Алёнке, хранил этот секрет... Иногда он слышал, что похожими звукам и как бы разговаривают влюблённые, сами того не слыша наяву. Но от своих знакомых девушек, с кем ему приходилось встречаться, он подобного звона не слышал. И вот только в эту новогоднюю ночь чудо свершилось – яркая красивая мелодия зазвучала, стоило ему увидеть улыбчивую девушку в белом пуховичке... Он знал теперь, что это знакомство надолго и зародившаяся во время их танца любовь – навсегда. И теперь ему не нужны для доказательства никакие мелодии – он слушал только своё сердце.

* * *

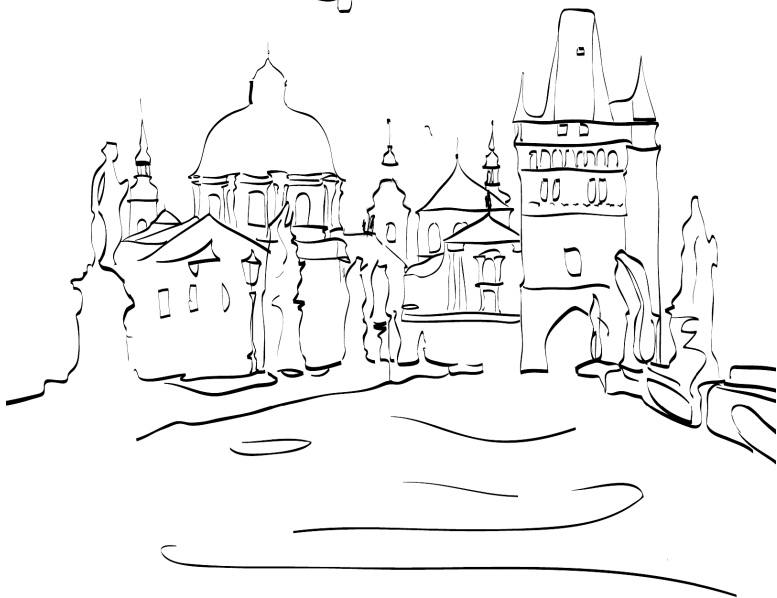
«И снова первое января, я не хочу нарушать традицию и пишу, что же со мною случилось в этот прекрасный день Нового года. Впервые я встретила его с моим любимым человеком, и это было так здорово!

Миша теперь не просто мой любимый, он ещё и муж, мы поженились с ним полгода тому назад – 30 июня. И хотя се-ребристого свечения я больше не вижу, но знаю, что всё, что делает этот прекрасный человек, он делает с большой любовью и абсолютно искренне. Алёнка улетела с мужем в Австралию, а мы с Мишенькой отправились после боя курантов в костюмах Деда Мороза и Снегурочки разносить подарки, накупили их целый ворох и дарили всем прохожим почти до двух часов ночи. Потом прибежали домой и принялись пить чай. Не сразу сообразила, что кто-то прислал мне эсэмэску, – телефон издал характерный писк. Открыла сообщение, его мне послал Филипп, желал счастливого Нового года мне и моему мужу – как благородно с его стороны! Мне казалось, что он никогда не смирится с нашим расставанием, вначале он сильно переживал, пытался меня вернуть и даже обещал жениться! Но было уже поздно. Машинально глянула на время отправки – эсэмэс было отправлено в половине первого ночи».

Вернуть восхищение

Вернуть
восхищение

Он возвышался на самой вершине горы и всем своим видом излучал достоинство, благородство и особую величественность. Я заметил это издали, даже при неброском свете луны, на которую то и дело напоззали клочья дымчатых облаков, рисуя неровные тени. Ожидалась гроза, поэтому, спрыгнув с подножки автобуса, я стремительно поспешил наверх, нарушив традиционное правило сначала осматривать незнакомый ландшафт, прежде чем начать путь. Идти было неудобно: ботинки на тонкой подмётке проваливались в углубления между брусчаткой – это сковывало движения и причиняло боль в ступнях.

В тот момент я был одержим идеей – вернуть это всегда ускользающее и почти эфемерное чувство восторга, снова ощутить неземное прикосновение к вечности, заставить вновь петь уставшее сердце...

Когда-то этого всего у меня было через край. Я считал себя счастливым человеком, поцелованным судьбой. Я обладал тем, к чему стремится каждый, пусть неосознанно, пусть в самых далёких своих мечтах. Я искал любви, и я нашёл её. Любовь женщины перевернула мир вокруг меня и подарила силы для вдохновения, ежесекундного горения, небывалого взлёта моего творчества.

По профессии я музыкант и не случайно выбрал из множества инструментов саксофон: только этот, на мой взгляд, инструмент передаёт тончайшие колебания человеческой души. Моя любовь не прошла мимо, я был вознаграждён вза-

имностью, и моя Мара стала мне женой. Вкладываю в это звание самый глубокий смысл. Связывая себя узами брака с желанной женщиной, мы обретаем друга, родного самого близкого человека и любовницу одновременно. Так было и у нас, и так продолжалось достаточно долг. Но вдруг в одночасье всё испортилось. Так бывает с погодой, когда внезапно в самом разгаре цветущего летнего дня набегают неожиданные тучи и начинается никому не нужный дождь.

По надёжной и крепко сколоченной крыше нашего союза прошёл ливень и почти что размыл её до основания. Не могу сказать точно, с чего всё началось, с какой такой отправной точки.

Я долго размышлял на эту тему и ничего не мог вспомнить такого, никакого события, из ряда вон выходящего. Всё шло своим чередом, бывали в нашей семье и разногласия, и касались они в основном вопроса добывания денег. У меня заработки носят случайный характер, Мару это чаще не устраивало, и она пыталась что-то придумать, как-то поспособствовать мне в этом вопросе.

У неё всегда голова забита различными идеями, разнообразными проектами, многие из которых никогда не осуществляются. Мара человек творческого порыва, она создаёт эксклюзивные украшения и так же, как и я, никогда не знает, сколько у неё денег будет завтра. Относительная нестабильность нашей семьи толкала нас порой в авантюры, которые, как правило, ни к чему хорошему не приводили.

Как следствие этих неудач происходили никому не нужные разборки, расшатавшие вконец наши когда-то с таким теплом и любовью выстроенные отношения. А потом я будто ослеп. Перестал видеть красоту своей некогда любимой женщины, замечать достоинства, восхищаться ею. А ведь именно последнее было самым большим моим приобретением и счастьем. Осознал утрату слишком поздно – к тому времени от Мары я ушёл, тогда мне казалось, что поступаю верно. Мало того, брак виделся мне ошибкой, а любовь Мары – игрой. Я перестал видеть в ней богиню, от того вёл себя чересчур жёстко, принёс ей, по-видимому, много боли своим слишком холодным и отстранённым отношением.

Когда я снова прозрел? Думаю, что и сейчас я не смог до конца научиться видеть её и понимать, как раньше. Просто в один день мне стало страшно не оттого, что незаслуженно обидел жену, – я эгоистично испугался потерять свои ускользающие эмоции...

Почему ускользающие? Они где-то ещё жили внутри меня, томилась, не давали спокойно существовать, дразнили сладкими воспоминаниями. Я осознавал, что все годы, проведённые вблизи Мары, я был неуязвим для негативных эмоций и желаний, надёжно защищён от любых жизненных неприятностей собственными сильнейшими чувствами, которые сводились к восхищению единственной женщиной. Я ею действительно восхищался и всегда боялся потерять остроту накала этого чувства. Всегда знал – после этого пе-

рестану быть счастливым. Пока мы любим – мы счастливы, ибо высокий градус этого восторга не купишь ни за какие деньги. Он либо даётся нам, скорее посылается в награду – либо его просто не существует.

Когда я потерял его – понял не сразу, чего лишился, продолжая злиться на супругу и обвиняя её во всём, что первое приходило на ум, – только не в утрате собственных эмоций. Глаза мне открыл случай, когда познакомился я с единственно необходимым тогда человеком, ставшим впоследствии моим другом. Он и подсказал мне дорогу сюда, в край диковинных, почти сказочных гор, поросших дремучим лесом, наполненным всевозможными мистическими звуками, перебиваемыми лишь кваканьем лягушек и пением голосистых птиц.

Отель мой утопал в чарующих звуках словацкого леса, я наслаждался чистотой воздуха и покоем отдалённого горного посёлка, пока ждал его возвращения, того единственного, кто по совету моего нового друга должен был помочь в решении моей проблемы. Этого человека звали Вацлав Йенек, он, как и я, был музыкантом, а кроме того, писал необычную музыку...

Подъём к дому Йенека, крутой и неудобный, к счастью, закончился, и я стоял теперь на самой верхней площадке перед утопающим в пышных зарослях винограда входом в старинное обшарпанное временем здание, похожее на средневековый замок.

Искал глазами звонок, не найдя его – постучал. Плотные дубовые двери не откликнулись даже лёгкой вибрацией – колотить впустую было бесполезно. Номера телефона Вацлава я не знал – только адрес, поэтому рисковал, так как хозяин мог быть в отъезде. Последнее было похоже на правду. Я присел на грубо сколоченную низкую лавочку у входа, вытянул вперёд уставшие ноги, потянулся и готов был отправиться в обратный путь, как почувствовал слабый, еле различимый аромат свежесваренного кофе.

Он доносился, очевидно, из открытой форточки окна на втором этаже. Мне пришлось набрать в лёгкие побольше воздуха и поприветствовать окрестности своим зычным возгласом. Вскоре из-за белой занавески мелькнуло женское личико. Образ в пастельных тонах. Она увидела меня, замерла – соображала, что предпринять, и исчезла... Я сделал вывод, что гости к пану Йенеку захаживают нечасто.

Наконец массивная дверь распахнулась, и я вошёл вовнутрь. В прихожей пахло столярным клеем и тонкой сладковатой смесью ароматов различных пород древесины, присущих любому старинному жилищу. В углу стояла корзина для зонтов и тростей. Слева находилась просторная гардеробная, на вешалке – всего один плащ серого цвета и шляпа на этажерке.

Стало быть, хозяин был дома.

– Я приехал к пану Вацлаву. Он очень занят? – спросил я милую барышню, что открыла мне дверь.

Девушка в смешном старинном чепчике округлила глаза.

– Я не туда попал или вы плохо понимаете меня?

Барышня улыбнулась и жестом показала мне, чтобы я следовал за ней. Она засемила по довольно широкой лестнице наверх. Аромат кофе усиливался с каждой ступенькой.

Мы оказались с ней на небольшой, но уютной кухне.

На окнах висели белые накрахмаленные занавески.

– Пан Йенек у себя? – спросил я со знанием дела, так, если бы приходил сюда каждый день. Правильно выбранная интонация сработала.

– Пан Вацлав сейчас работает и спуститься не может. Вы можете его подождать в гостиной. Я могу угостить вас кофе.

Ни до, ни после я не вкушал столь дивно приготовленных ватрушек с маком и творогом, как те, которые выпекает Беата, помощница господина Вацлава, та девушка, что открыла мне дверь. Пока мы молча пили с Беатой кофе, кто-то зашагал по лестнице, шаги приближались. Я встрепенулся.

– Это пан Йенек?

– Пану нельзя мешать, пока он не закончил. Он пишет симфонию.

– А сколько это может продолжаться?

– От нескольких дней до нескольких месяцев, – равнодушно ответила девушка.

– Но я не могу так долго ждать, у меня нет столько времени.

Беата пожала плечами, повернулась ко мне спиной, пока-

зывая, что разговор исчерпан, и принялась мыть посуду.

Я решил найти у неё сочувствие, расположить эту обученную служанку к себе.

– Конечно, я останусь и буду ждать. Когда мне заглянуть в следующий раз? Что вы мне посоветуете? Дело в том, что мне очень нужна помощь пана Йенека. Я слышал, что он обладает редким умением возвращать утерянные чувства, это правда?

Девушка повернулась. Вытерла руки о фартук. Невозможно прошла мимо меня, словно не услышала вопроса. Ответ я всё же получил, но не из её уст. На пороге кухни выросла человеческая фигура внушительных размеров. Мужчина средних лет стоял, скрестив руки на груди. Коричневый кожаный пиджак, который выдавал в нём модника восьмидесятых, никак не сочетался с домашней толстовкой и заострёнными лаковыми туфлями. Нелепость образа пришедшего ненавязчиво располагала. Обаятельная улыбка ослепила угрюмую обстановку, Беата преобразилась. Из недоверчивой и скучной девушки – в услужливую веселушку. Нетрудно было догадаться, что хозяин вызывал в сердце этой тусклой девушки самые высокие чувства, а Вацлав, по-видимому, этим умело манипулировал.

– У нас в доме гость? А почему я об этом не знаю?

– Так ведь вы сами просили не беспокоить вас, когда пишете музыку!

– Беаточка, ты опять всё не так поняла... Я не против ви-

зита друзей, но этого человека я вижу впервые. А для посторонних я занят всегда. Напрасно открывала дверь. И пан Йенек, не церемонясь и даже не поздоровавшись со мной, развернулся и вышел.

Я несколько не расстроился из-за столь негостеприимного приёма, оказанного мне впервые, ибо уже тогда знал наверняка, что словацкий композитор, он же хозяин дома, на редкость добрый и мягкий и что мы обязательно подружимся. Откуда я понял это? Трудно сказать, но бывает, что мы чувствуем нечто, и это не всегда можно объяснить законами физики, и это ирреальное оказывается подчас самым точным внутренним убеждением. Так случилось и в тот раз. На удивление служанки, я пребывал в самом прекрасном расположении духа и с воодушевлением самого желанного гостя лучезарно улыбнулся.

– Сегодня я переночую у себя в отеле, а завтра приду снова, – вежливо сказал я на прощание. У девушки открылся было рот, но произнести она ничего не смогла. Я развернулся и быстро зашагал по кирпичной дорожке, и чувствовал затылком, что пан с интересом и пробуждавшейся симпатией смотрит мне вслед.

Следующим днём в полдень я сидел на скамейке под окнами у пана Йенека и читал газеты, не обращая внимания на тревожно-недовольные взгляды Беаты.

«Ну-ну», – думал я, а сам не знал, когда точно это случится. Возможно, мне пришлось бы ходить сюда ещё неделю. Но

бастион пал значительно раньше.

Уже к вечеру пан спустился вниз и, по обыкновению, неожиданно вырос передо мной.

– Будете ругаться и выгонять? – спросил я его в лоб.

– Не сразу. За упорство и терпение угощу вас чаем, а затем выгоню.

За нарочитой строгостью угадывалась добрая душа хозяина дома и его весёлый нрав.

Я рассмеялся, сочтя последнее милой шуткой. Вацлав угадал мою тонкую игру и решил меня больше не мучить. После чаепития он предложил мне составить ему компанию и пригласил в бильярдную.

До этого играть мне не приходилось, но я с радостью принял приглашение вчерашнего сурового хозяина. На сей раз одет он был ещё более странно: поверх широких трикотажных брюк, которые я окрестил шароварами, был небрежно накинут махровый халат, перетянутый поясом, на ногах красовались неизменные лаковые ботинки, причём хорошо поношенные и растоптанные. Я сообразил, что теперь они заменяли пану домашние тапочки. Многие талантливые люди неприхотливы в быту, но не до такой же степени! Я продолжал удивляться несоответствиям и странностям хозяина, но это было только начало, позже мне предстояло прожить в доме пана Йенека целую неделю, и каждый день дарил мне новые штрихи к портрету чудаковатого талантливого музыканта с огромным сердцем.

После трёх выигранных у меня бильярдных партий интерес Вацлава к игре закончился. И не потому, что скучно выигрывать у слабого, – композитора угнетала неловкость за нелепое положение проигравшего человека. Он сам мне позже расскажет об этом, как и о многом другом. Внешне Йенек напоминал огромного плюшевого медвежонка, причём старого, довоенного ещё образца игрушек, слегка потрёпанного и милого.

Шоколадные с проседью волнистые волосы были зачёсаны назад, открывая высокий разрезанный морщинками лоб, насмешливые умные глаза, будто бы всю жизнь умиляющиеся детским шалостям, и живые виртуозные руки придавали образу хозяина дома неповторимый и располагающий шарм.

После бильярдной партии он жестом предложил мне занять уютное кресло у камина. Когда угли в камине хорошенько разгорелись, Вацлав спросил:

– Что привело вас ко мне?

– Мне рекомендовал вас приятель... Я хотел бы вернуть чувства. Потерянные чувства.

Пан Йенек мне ответил не сразу. После моего ответа он замкнулся, долго наблюдал за кокетливой игрой огня и пепла в каминном окошке, затем скрестил руки на груди, откинулся в кресле.

– Молодой человек, и где же вы умудрились растерять ваши бесценные чувства (вы проделали немалый путь, потратили время, стало быть, цена их для вас велика), на каких

таких дорогах судьбы?

– Верно, я не стал бы обращаться к вам, потеряй я нечто мимолётное и легковесное. Из-за собственного эгоизма и беспечности я растерял, растратил, выпустил из сердца любовь, которая грела меня все эти годы. Это была любовь к жене, её зовут Маруся, Марочка.

– А вас, простите, зовут?..

– Елисей.

– Запомните, Елисей, о любви не говорят в прошедшем времени. Она может обидеться на это и не вернуться.

– Вы говорите о чувстве как о живом существе...

– Любовь – не просто чувство... Это смысл всего. Итак, ваша Маруся больше не вызывает в вас трепета души?

– Это превратилось для меня в самое настоящее испытание. Я потерял чувство, мне кажется, скоро потеряю и жену, она может уйти, а я не перенесу этого. Мне хочется вернуть то время, когда замирало сердце, душа вздрагивала и трепетала от одного её лёгкого прикосновения, от телефонной трели, от еле уловимого дыхания... Я сильно любил её, а потом всё куда-то исчезло.

– Что ж, я помогу вам, но для этого мне надо будет узнать вас поближе, я должен проникнуть в суть вашей истории, именно вашей, и ничьей другой. Иначе я не смогу. Беата вас проводит в комнату для гостей, у меня вы пробудете ровно столько, сколько потребуется для решения вашей проблемы.

– Но я вырвался к вам всего на три дня, у меня дела, ра-

бота.

– За один или два дня я ничего не смогу сотворить! Ведь для того, чтобы помочь вам, мне необходимо почувствовать вас, услышать ваши ускользнувшие чувства – а это непросто и требует более длительного общения. Вначале я накапливаю эмоции, а уже потом следует сама работа, которая тоже требует временных затрат.

Мне стало неловко, что чужой человек подарит мне неделю своей жизни. Его бизнес должен быть дорогим. Я спросил его о цене.

– Не беспокойтесь, с каждого я беру по его уровню доходов, у меня нет чёткой таксы. И потом, я не живу материальным и не коплю богатство, у меня всё есть. А помогать людям и при этом получать удовлетворение – моё хобби. Денег у вас хватит – последнее не заберу.

– А бывает так, что к вам обратились сразу несколько человек и времени для всех у вас не хватает?

Вацлав глубоко вздохнул, затем встал и принялся набивать табаком свою трубку.

– Вы будете удивлены, но такого не случилось. Почему? Ответ напрашивается только один.

– И какой? Я заинтригован.

– Очевидно, то, что я делаю, действительно нужно людям, и я на правильном пути. И мою помощь нельзя поставить на поток и сделать массовой. Поэтому больше мне не дают.

– Вы имели в виду не финансы – я правильно понял?

– Отнюдь. Давно заметил, что объёмы нашей деятельности чётко и планомерно регулируются. И большего, чем вы в состоянии сделать, от вас никто не потребует.

– Но люди ведь часто не понимают этого и могут требовать...

– Нет, этого не случается. Во всяком случае, со мной. Ну так не будем терять время. Расскажите мне о ней. О вашей любви, о том, что в ней было особенного, необычного. Я попытаюсь представить...

Вацлав откинулся на спинку высокого кресла и прикрыл глаза. Комната наполнилась нетерпеливой тишиной, потрескивали лишь в камине дрова.

Я приступил к повествованию.

– С самой первой минуты, как только я увидел Марусю, или Марочку, как я называю свою жену, в мою жизнь ворвалось волшебство...

И так без остановки до самого расставания. Как искрящийся и обжигающий льдом снежный ком. Как жаркое дыхание летнего вечера, опьяняющее умиротворением и тревогой одновременно.

Она заполнила собой всё моё предыдущее пространство, весь мой непростой и богатый мир. До Маруси я жил счастливо и разнообразно, никак не скучал, имел огромное количество друзей и интересов, крутился, везде поспевал и зарабатывал неплохие деньги за мои выступления. Я музыкант – играю на саксофоне.

Этот мой мир не то чтобы рухнул – его заменили на другой.

Потом мы открывали вместе этот новый совместно построенный мир. Начались самые счастливые годы познания и проникновения друг в друга. Нам было вдвоём хорошо и комфортно, мы не ссорились почти никогда. Наоборот – защищали и поддерживали друг друга от остального враждебного, как нам казалось, мира. По отношению к двум любящим всё остальное кажется априори чуждым. С Марочкой мы ощущали нечто вроде душевной экзальтации: редкое состояние, когда происходит небывалый эмоциональный взлёт, трепет и легчайшее щекотание от прикосновения душ. Не знаю, как можно ещё это объяснить, все слова будут неудачными. Возможно, это передать может только музыка и вам это удастся сделать. Пан Йенек сидел не шелохнувшись, всё так же наклонив голову набок, внимательно слушая, или же, напротив, пребывал далеко от моей болтовни, а сам думал о чём-то своём, возможно, уже тогда он почувствовал первые аккорды нашей любовной симфонии.

Я легонько тронул его за рукав. Он вздрогнул.

– Мне продолжать, или вы устали слушать?

– Я только погрузился в ваш мир и пока не в состоянии оттуда выходить. Продолжайте.

Я встал, подошёл к столику с графином, налил воды в стаканы, один осушил, другой протянул хозяину.

– Спасибо, но когда я проникаю в историю взаимоотно-

шений, я слышу музыку, а вода отрезвляет и возвращает меня обратно. Я выпью, когда захочу отдохнуть.

– Алкоголь мешает или наоборот? – мне было интересно.

– Я вообще не пью. Иначе не мог бы творить то, что я делаю. И эту способность у меня бы отобрали.

Я рассказывал Вацлаву, этому удивительному чудному человеку и талантливому музыканту, свою историю. И, сам того не замечая, стал по-новому смотреть на произошедшее со мной. Как бы со стороны и глазами другого человека. Его глазами, пана Йенека. Не секрет, что, когда мы что-то рассказываем другому, мы непроизвольно проживаем рассказанное глазами слушателя.

Каждый день после обеда, около пяти вечера, мы устраивались поудобнее у камина, и я продолжал своё повествование. На утренней прогулке тщательно обдумывал то, о чём собираюсь говорить, намечал основные вехи и одновременно размышлял, анализировал. Целую неделю был погружён в решение самой главной моей проблемы. Никогда не думал, что это так сложно и порой нереально – понимать женщину, её мысли, желания. Раньше я просто никогда не задумывался над этим. Теперь же невольно был поставлен в условия, когда у меня имелось и время, и желание, и, что самое главное, – настроение для тщательного и неторопливого анализа.

Каждые новые сутки из недельного пребывания на вилле пана Йенека приносили какие-то открытия и ценные духовные приобретения. Я вдруг понял, не сразу, а лишь на тре-

тий день, что женщинам необходимо и ценно совсем иное, чем нам, мужчинам. Это открытие я сделал самостоятельно и как-то незаметно, делая выводы из собственного рассказа. Для лиц прекрасного пола нужно чувствовать себя единственными ценными созданиями, им важно знать, что мы их любим не просто так, не за что-то, а за то, что они именно такие, замечательные и красивые! Маруся не раз намекала на это, а я тогда её не понимал. Однажды она меня так разозлила своими приставаниями и расспросами, что я вспылил и довольно грубо ответил, что мне всё равно, с кем жить, что я ужился бы с любой.

– Неужели ты меня не любишь? – услышал я каверзный и типично женский возглас моей жены.

– Люблю, но не только тебя, а всех люблю!

Я упорно не хотел идти у неё на поводу и вновь превращаться в вечно юного воздыхателя после десяти лет брака. Той обычной в супружестве перепалке я не придал никакого значения, теперь же понимал, что совершил серьёзную ошибку и глубоко её ранил. Именно после этого разговора жена стала постепенно отдаляться, уходить в свой мир, чувства поблекли – зеркально и мои тоже. Причину я видел в другом: был уверен, что любовь Мары притупилась, она не понимает меня теперь, ей на меня наплевать, поэтому и опускает глаза, не улыбается, эгоистично живёт собой. Я вздыхал, жалел только себя и успокаивался тем, что у всех так происходит после стольких-то лет совместной жизни! Нико-

гда не подумал бы, что это из-за меня, моих несдержанных слов, грубо ранящих нежное женское сердце, всегда жаждущее признаний и трепетной любви.

Это потрясающее открытие я совершил во время утренней прогулки по заросшим мхом и папоротником лесным дорожкам.

Вечером я поделился этим с паном Йенеком.

– Ты прав. Все мы, и мужчины, и женщины, по сути хотим, чтобы нас любили, ждём этого от супруга, только в различной форме. Мы мечтаем, чтобы жёны нами восхищались и не перечили, а во всём нас поддерживали, в каком бы мы настроении ни пребывали, будь то меланхолия или же неоправданный гнев. А они мечтают о поддержке и тепле, о нежных словах и вечной влюблённости. И ищут подтверждений этому, если мы молчим, то – в поступках, подарках, во взгляде. Им нужно чувствовать себя единственными ценными созданиями в нашей жизни.

– Выходит, и Маруся ждала от меня этих подтверждений? Оттого и засыпала меня дурацкими расспросами после десяти лет знакомства, как школьница, типа: «Ты меня любишь столь же сильно?» «Что за чушь, – думал я, – неужели я всей своей жизнью не доказал этого?» Думал, что она надо мной издевалась, хотела специально разозлить. Сейчас понимаю, что нет. Ошибался я.

– Многие ломаются на этом, и, как результат, рушатся крепкие семьи. Но мало осознать и понять вину – восста-

новить союз одной лишь трезвой головой не получится, если ушло чувство восхищения, умиления, обожания... Ушла любовь, одним словом.

– Что же в таком случае делать?

– Возвращать утерянные чувства. Другого пути нет. Я помогаю именно в этом.

– Когда вы обнаружили в себе этот дар? И как вам это удалось?

Я давно хотел задать пану Йенеку этот вопрос, но всё никак не решался...

Вацлав ответил не сразу. Сначала он встал, подошёл к камину и долго помешивал кочергой тлеющие угли. Настроивался. Или решал, что можно рассказать, а что нет. У каждого человека есть свои запретные зоны, куда других пускать не следует. В какой-то момент я было подумал, что пан разозлится на меня и, чего доброго, прогонит и не станет помогать.

Но он повернулся ко мне, и по выражению его глаз я понял, что он расположен к разговору. В этот момент мне показалось, что незнакомая мне синева мелькнула в его взгляде, как у молодого совсем юноши. Он прокашлялся.

– Это началось после того, как меня покинула моя любимая женщина... Она ушла в небытие. Я овдовел. Я никогда не называю её словом «жена», это очень узкое понятие и не подходит для наших с Лаурой взаимоотношений. Долго страдал, как если бы мне отрезали руку или ногу, а ра-

на никак не заживала. Постоянная боль, только душевная, давящая, тупая и безысходная. Я чуть было не приложил-ся к бутылке в тот момент. По-прежнему зарабатывал тем, что исполнял музыкальные произведения старинных композиторов, работал в Праге, стоял в основном на Карловом мосту, играл на мини-оргane, был, проще сказать, уличным музыкантом. И вот в один осенний непогожий день людей не было вокруг меня, собирался дождь, и мне пора было уходить, а свои кроны я ещё не заработал. Дома у меня не было ужина, и я продолжал стоять в надежде на случай. Но по-прежнему никто не появлялся. От отчаяния я принялся утешать себя тем, что перебирал струны, играл что-то своё, импровизировал. В какой-то момент вспомнил Лауру... Пошла музыка. Это было сплетение осеннего холодного безнадёжного дня, пустого ужина и моей тоски по любимой. Получилось красивое произведение. Не заметил, как оказался в окружении промокших, но счастливых людей, под единой крышей из сплетённых зонтов... Все они стояли не шелохнувшись и слушали, в их глазах читалось восхищение...

Надо сказать, что в тот день я отужинал в ресторане. Но это не главное. Самым главным было то, что именно в тот пасмурный день я совершил небывалое открытие. Я открыл закон сохранения любви.

– Что? Любви? – перебил я его, недоумеваю.

– Любви – той энергии, которую мы принимаем за это чувство. Объясняю. Когда мы кого-то любим, рождается некая

очень сильная и мощная энергия и никуда не девается после, даже если любовь якобы проходит либо объект любви уходит от вас. Она томится внутри вас, и ей необходим выход. Пока его нет, могут быть проблемы у вас с настроением, с психикой. Любовь должна перетекать во что-то, трансформироваться, к примеру, в произведения искусства. Когда я написал своё первое музыкальное произведение, мне сразу же полегчало, я выпустил значительную часть этой томившейся неистраченной энергии. Это я и понял в тот день, в ресторане, в тот самый момент, когда я заказал себе отбивную. Я вкушал честно заработанный ужин, запивал его красным вином и успокаивался, впервые после ухода Лауры мне было хорошо и спокойно. А дальше произошло самое интересное...

Спустя несколько дней, когда я опять был на мосту, ко мне подошла женщина... Лицо её было неестественно возбуждённое, красное, говорила она с придыханием, проглатывая слова, и я не сразу понял, что она хотела. Оказалось следующее. В тот самый несчастный и унылый день, когда я сочинил свою первую сонату, её услышал мужчина, муж этой женщины, что подошла ко мне. По её словам, они собирались разводиться, была назначена дата этого невесёлого события их жизни.

Чувства к тому времени остыли у обоих, шутка ли – прожить вместе двадцать пять лет... В тот день, когда муж проходил по Карлову мосту, он спешил встретиться с друзьями

в пивной – единственной отраде его почти холостяцкой жизни. И тут до его сердца докатились звуки моего органчика... Мужчина остановился, застыл на месте, так и остался стоять, пока не окончилась моя тогда ещё сырая и полная импровизаций соната. И с ним что-то произошло, по словам его жены – он иначе взглянул на их отношения, и к нему вновь пришло утерянное ощущение восхищения своей супругой, как в первый год знакомства...

Радостный и ошеломлённый, он что было сил побежал не в пивную, а к своей жене, с которой не жил порядка полугода. Моя музыка вернула ему любовь и в итоге воссоединила семью, в которой подрастало двое детишек. Я и представить не мог, что моя соната может творить чудеса! Дальше было ещё интереснее. Вскорости весть о возвращающем чувства бедном музыканте облетела весь город. Люди стали специально подходить ко мне, рассказывая свои истории, и я начал писать мелодии под конкретные ситуации. И что удивительно – это действительно помогало людям! Ко мне приезжали из других городов, я писал ночи напролёт, а скоро смог купить себе этот замечательный домик в горах и перестал играть музыку на мосту, превратившись в композитора, спасающего любовь.

– Какая трогательная история! – воскликнул я. – И многим вы успели помочь таким образом?

– Только тем, кто действительно желал вернуть любовь всем сердцем. Если приходили просто любопытные – у меня

ничего не получалось, именно эти люди и распустили слухи о моей несостоятельности, оттого вы не увидели очередь страждущих. Как ни странно, это оказалось мне на руку – вначале я трудился и днём и ночью, чуть было не заработал нервный срыв и вконец не испортил себе здоровье. Сейчас ко мне обращаются только те, кто в меня действительно верит, а их немного. Гораздо больше скептиков и пересмешников, считающих меня шарлатаном. Вы разве не читали их едкие очерки в интернете?

– Признаться – не читал. Мне рассказал о вас друг, он уверял меня, что вы настоящий кудесник.

Дни летели, и я с каждым днём ощущал всё большую заинтересованность моей историей со стороны пана композитора и всё большее доверие к моей персоне.

Постепенно наши разговоры стали приобретать более душевный характер, я сумел распахнуть перед этим незнакомым мне человеком мой скрытый от остальных мир, а он, заглянув туда, обещал написать музыку, которая вылечит меня от возникшего равнодушия к жене.

В процессе наших ежедневных бесед я и сам возвращался к теме наших с Марусей взаимоотношений, многое передумал, пересмотрел, понял и был готов вернуться к ней. Не хватало только одного – повторной вспышки моих угасших чувств, а это было непросто. Бывает, что головой мы понимаем, что пора влюбиться, и понимаем, насколько человек хорош и что он во всём нам подходит, а вспышки, озарения

не происходит. Кто-то называет это химией, но я полагаю, что это состояние гораздо глубже обычного притяжения и сексуальной совместимости.

Тем временем моё пребывание в доме гостеприимного пана Йенека подходило к концу, и мне не терпелось поскорее услышать заветную мелодию, ту, что способна будет воскресить любовь в моём сердце. Я знал, что Вацлав пишет не простую музыку, а имеющую индивидуальную направленность, и эта симфония будет касаться только наших с Марочкой взаимоотношений и должна будет реанимировать их. Он поведал мне как-то, что у каждой любовной истории существует своя неповторимая гармония звуков, и его задача – услышать её и записать, а также дополнить необходимой аранжировкой, чтобы восприятие было более привычным для нашего слуха и эмоционального восприятия.

Как-то я поинтересовался у композитора, как продвигается его сочинение. На что пан раздражённо ответил, что пока произведение не написано – он никогда не говорит о нём. Я высказал сомнение, успеет ли он закончить его до моего отъезда. И своим вопросом я опять огорчил пана композитора, а вечером он объяснил причину своего беспокойства.

– Дело в том, мой друг, что мне никак не удаётся обозначить кульминационный лейтмотив в первой части произведения. Мне необходимо задать вам один вопрос.

– Я готов помочь вам и ответить на всё, что спросите.

– Не припомните ли вы какой-нибудь ключевой момент

в ваших взаимоотношениях, когда чувство только зарождалось? Эпизод этот может быть на первый взгляд незначительным, казаться мелочью и зависеть от мимолётно брошенного взгляда или случайной мысли – вы меня понимаете? Причём меня интересует то мгновение, когда ответное чувство зародилось в сердце вашей жены. Ведь вы добивались её, а она пока что не открывалась вам, и когда же произошло то, о чём вы мечтали бессонными ночами?

Я задумался. Ответить было непросто. Прикрыл веки, и тут произошло чудо: я увидел перед глазами её – маленькую пёструю красавицу...

– Я понял и, кажется, знаю ответ. Это была бабочка. Весенняя бабочка, и в то же время редкой, уже вымирающей в наших краях породы, на её довольно крупных крыльях жёлто-чёрные узоры...

– Я знаю, это махаон, у нас в горах ещё летают эти гордые красавцы.

– В тот день я решил, что Маруся никогда не полюбит меня, что бы я ни предпринимал – её сердце оставалось равнодушным. А мне всё время хотелось удивить её, чем-то порадовать. Начинался апрель, и никаких бабочек не наблюдалось и в помине, а тут я спешил на свидание, откуда-то вылетела эта красавица и уселась мне на лацкан пальто. Я осторожно захватил бабочку в кулак и сумел донести её до моей возлюбленной. Я попытался вначале поиграть с ней в угадку: если Марочка скажет, что у меня в кулаке, – она вы-

играет, и я исполню любое её желание, если нет – то наоборот. Я дал ей семь попыток. Она перечислила всё, что смогла (конфеты, игрушки, ягоды, украшения), но не угадала. Зато как загорелись её изумлённые глаза, когда я разжал ладонь и невольница с утроенной радостью вырвалась на долгожданную свободу и полетела к солнцу, взмывая всё выше в голубую высь весеннего утра. Маруся запрыгала, захлопала в ладошки и тут же со всей непосредственностью бросилась мне на шею и чмокнула в щёчку, до этого мы с ней ни разу не целовались. Я не растерялся и подхватил ее, закружил, она звонко смеялась и говорила мне, что это был лучший сюрприз в её жизни. Тогда же я впервые поцеловал её. Я мог воспользоваться правом выигравшего спор (на что я и рассчитывал), но это не пригодилось: всё произошло естественно и легко, в едином порыве и совершенно искренне. Поцелуй был волшебным. После этого у нас всё и завертелось. Думаю, что изящество и привлекательность бабочки сыграли в моём маленьком спектакле не последнюю роль, ведь для женщин важна внешняя красота сюжета, не так ли?

– И ещё для них имеет значение поступок. Факт некой жертвенности по отношению к ним. Она решила, что ради неё вы достали невозможное – бабочку в начале весны, к тому же редкой красоты. Она же не знала, что красавица пришла вас сама...

Вацлав широко улыбнулся, пожалуй что впервые за всё время нашего общения, и я заметил, что у него не хватает

двух передних зубов. Скорее всего, именно последнее обстоятельство заставляло его сдерживать свои эмоции. После моего рассказа пан спешно поднялся со своего кресла. Он пояснил:

– Вы мне очень помогли. Пока не расплескал вашу уникальную мелодию, начертанную на весеннем незапятнанном небе крылом бабочки, пойду переложу её на ноты и постараюсь добавить парочку мажорных аккордов к ней. Надеюсь, что к субботе вы получите диск с вашей сонатой.

– Я с нетерпением буду ждать её!

– Только послушать вы сможете её лишь по приезде домой. Это моё обязательное условие.

– Я наберусь терпения, не беспокойтесь.

До субботнего дня оставалась ещё пятница, но и она пролетела быстро: день я посвятил полюбившейся мне прогулке в горы и непременно беседе с паном у камина после обеда. После чего Йенек уходил к себе наверх и продолжал работу, а я оставался в гостиной и читал привезённые с собой книги.

В субботу утром меня разбудил стук в дверь моей спальни.

На пороге стоял хозяин, он был одет в плащ, в руке у него был зонт.

– Мне нужно отъехать ненадолго, боюсь вас не застать. Поэтому я принёс вам ваш заказ. – Он протянул мне диск в обычном бумажном конверте.

– Что это? – поинтересовался я.

– Это ваша соната. Я закончил её сегодня ночью.

– Большое спасибо, сколько я вам должен? – я потянулся к бумажнику.

– Деньги вышлете переводом после того, как к вам вернётся чувство. Это ещё одно моё условие. – Он протянул бумажку с реквизитами.

– А сколько я должен буду вам отправить? Пан на мгновение замялся.

– В природе должно быть сохранение вещей. Вышлите ровно столько, сколько стоит ваше вновь пробудившееся чувство. Это компенсирует ту энергию, которую я затратил на сочинительство. А я куплю себе витаминов, восстановлю силы и, возможно, смогу сделать счастливым кого-нибудь ещё.

– Но...

Он не дал мне договорить, пожелал счастливого пути, удачи, раскланялся и стремительно покинул порог моей комнаты.

* * *

Если бы у меня был с собой плеер для дисков, я, скорее всего, не удержался бы и прослушал музыку уже в поезде, но такового не имелось, а посему набрался терпения, наполненный невероятным приподнятым настроением, покидал полюбившиеся Татры, спешил к своей потерянной любви. Я не

сомневался в том, что чудодейственная музыка пана Йенка исцелит меня от душевной чёрствости и мы снова будем счастливы.

Солнце заглядывало в окно поезда, освещая моё кресло целиком, я зачарованно рассматривал проносившиеся сосны и ели, облака и дорожные фонари, столбы для проводов и плавные очертания гор и поймал себя на мысли, что уже почти счастлив.

Неожиданно, как и всё происходящее с нами, прилетела красивая жёлтая бабочка и села на оконное стекло со стороны улицы... Это было так необычно и прелестно! Но самым большим сюрпризом и потрясением оказалось то, что это небольшое происшествие за секунду расставило все необходимые точки и дописало недостающие буквы. В голове у меня сразу всё сложилось, срослось, как говорят сейчас. Я словно перенёсся в тот год, когда принёс Марусе похожую бабочку в кулаке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.